

литературное
ОВО
обозрение

№ 39 (1999)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Борис Дубин (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

О. В. Будницкий

«ДЕЛО» НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ

«Более чем девяносто два года жизни отпустил Господь на земле Нине Николаевне Берберовой именно для того, чтобы она написала «эту книгу» — «Курсив мой», — пишет автор предисловия к лучшему изданию «Курсива», выпущенному «Согласием» в 1996 году, Евгений Витковский. — Не напиши она «этой книги» — жизнь была бы не выкуплена у Бога, никакими беллетризованными биографиями, второстепенными стихами, «малой прозой» а-ля парижский Зоценко и даже несколькими исследованиями русского масонства. К счастью, книга написана и известна всему миру» (с. 7 — здесь и далее в скобках ссылки на издание: *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. Вступ. ст. Е.В.Витковского. М.: Согласие, 1996).

Насчет «всего мира» — Бог вещь, но вот то, что именно «Курсив» стал главной книгой Берберовой и обусловил моду на «все берберовское» в России — бесспорно. Вряд ли кто-нибудь будет также спорить, что успех книги вызван в значительной степени (если не сказать — прежде всего) ее скандальным характером. «Такого» Бунина или, к примеру, Андрея Белого явила миру только Берберова. Берберова «обезопасила» себя от упреков в чрезмерном (даже для мемуаров) субъективизме, без обвиняков заявив: «Я пишу сагу о своей жизни, о себе самой, в которой я вольна делать, что хочу, открывать тайны и хранить их для себя, говорить о себе, говорить о других, не говорить ни о чем, остановиться на любой точке... Я беру на себя одну всю ответственность за шестьсот написанных страниц и за шестьсот ненаписанных, за все признания, за все умолчания. За речь и за паузы. Все, что здесь пишется, пишется по двум законам, которые я признала и которым я слеую: первый: раскрой себя до конца, и второй: утай свою жизнь для себя одной» (с. 432—433).

«Автобиография» Берберовой столько же о себе, сколь и о других. Конечно, именно «другие», изображенные в «Курсиве», наиболее интересны. Ибо это — Ходасевич, Горький, Гумилев, Георгий Иванов... «Курсив» — это «шов», пишет Евг. Витковский, используя образ Берберовой, «которым восстановлена связь времен через огромный отрезок XX века, пролеглий вчуже от России, в эмиграции. Но — восстановлен для нас, читателей» (с. 9).

Восстановлена ли? И не оказались ли читатели в дураках, внимая «великой Берберовой» (А.Вознесенский)? Речь идет не об аберрациях памяти или вольной или невольной беллетризации — Е.Витковский продемонстрировал, на примере рассказа Берберовой о последних днях Георгия Иванова, которые она не могла видеть, ибо находилась в то время в Америке, как литературный персонаж на глазах читателя «мгновенно отслаивается от своего исторического прообраза и мифологизируется» (с. 7). Я говорю о том, что многие страницы «Курсива» — не что иное, как «сведение счетов»; на это обратил внимание еще Роман Гуль в обширной рецензии на англоязычное издание книги¹.

Особенно бросается в глаза эта особенность книги Берберовой в «Биографическом справочнике», который, по справедливому замечанию Витковского, невозможно отделить от основного корпуса «Курсива» — «настолько явно продолжает и дополняет он книгу, проясняет недоговорен-

ности, проявляет двойственность отношений и даже простые пробелы памяти» (с. 20). Впрочем, столь же справедливо Витковский пишет, что «эта часть книги — самая странная, самая субъективная... здесь появляются прямые грубости; главное же — это вовсе не “Биографический справочник”» (с. 18).

Еще бы! О Марке Алданове, скажем, сообщается, что он «писал о судьбе эмигрантской литературы в «Современных записках», № 61» (с. 632). И это все! Квалифицированные комментаторы «Курсива» В.П.Кочетов и Г.И.Мосешвили рассуждают, что, «судя по всему, Н.Н.Берберова относилась к М.Алданову с несколько большей симпатией, чем к Г.В.Адамовичу (уничижительную «справку» об Адамовиче см. на с. 630—631 «Курсива». — О.Б.), тем не менее ее оценка представляется несправедливой. Алданов не только «писал о судьбе эмигрантской литературы в «Современных записках», — с некоторой наивностью поправляют они Берберову, — он один из самых известных писателей-прозаиков первой «волны» эмиграции. Его многочисленные романы были переведены на 24 языка и пользовались успехом не только у русских, но и у европейских и американских читателей» (с. 632). И т.д.

Как будто Берберовой было это неизвестно! Полагаю, что корни столь странной оценки Алданова, как, впрочем, и ее весьма неприязненного отношения к Адамовичу (возможно, и к Бунину), — в том страхе и унижении, которые пережила Берберова после освобождения Франции от нацистов. Именно Алданову было адресовано ее «оправдательное» письмо в сентябре 1945 г., в котором она вынуждена была сослаться на свидетельства в ее пользу Бунина и Адамовича (для чего к ним обращаться). Берберова опровергала появившиеся в печати обвинения ее в сотрудничестве с нацистами и, в то же время, признавалась в симпатиях к ним в 1940—1941 годах.

Витковский почему-то считает, что «длительные обвинения Берберовой в том, что во время оккупации Парижа она симпатизировала фашистам», связаны с тем, что советским литературоведам досадил образ Бунина, «чуть шаржированно обрисованный Берберовой»; который портил «всю икону» (с. 14—15). «Клевета» началась гораздо раньше и исходила отнюдь не от советских литературоведов. Публикуемое ниже «циркулярное» письмо Берберовой Алданову, а также последовавшая переписка Алданова с М.В.Вишняком и, двадцать лет спустя, обмен письмами между Берберовой и бывшим редактором «Современных записок» позволяют прояснить многое в этой истории, а также объяснить некоторые странности и «Биографического справочника», и самого текста «Курсива». Например, почему в разделе о войне и первых послевоенных годах связное и вполне аналитическое повествование вдруг сменяют отрывочные, вроде бы дневниковые записи.

В годы второй мировой войны, расколовшей и прежде не отличавшуюся единством эмиграцию еще больше, позиция Берберовой ни у кого особых сомнений не вызывала. «О русских в Париже пока известий нет, — писал Алданов Вишняку вскоре после освобождения Парижа. — Воображаю, как трясутся теперь Берберова, Гиппиус, Сургучев, Шмелев»². Имя Берберовой было названо наряду с председателем прогитлеровского союза писателей И.Д.Сургучевым и И.С.Шмелевым, публиковавшимся в пронацистских «Парижском вестнике» и берлинском «Новом слове».

В январе 1945 года в нью-йоркском «Новом русском слове» была напечатана статья свояка Алданова, библиографа и публициста Я.Б.Полонского «Сотрудники Гитлера», в которой был опубликован длинный список русских эмигрантов, запятнавших себя сотрудничеством с нацистами. Наряду с именами Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус, Сургучева, С.М.Лифаря, В.Н.Ильина в нем были названы Nicolas von Makeev и Н.Н.Берберова-Макеева.

В эмигрантских кругах, в частности, ходили разговоры о том, что Берберова писала на юг в «свободную» зону В.В.Рудневу, Бунину и Адамовичу, приглашая их вернуться в оккупированный Париж. Позднее в рецензии на первое издание «Курсива» Р.Гуль писал, что «во время оккупации Франции Гитлером Берберова осталась в Париже (и под Парижем), написала, в частности, тогда стихотворение о Гитлере, в котором сравнивала его с «шекспировскими героями»³. К сожалению, стихотворение это до сих пор не опубликовано. А жаль, ибо — тематически — оно оказалось бы единственным в русской литературе. Из зоны оккупации г-жа Берберова звала уехавших в свободную зону писателей Бунина, Адамовича, Руднева и др. вернуться под немцев потому, что «наконец-то свободно дышится» и т.д. Жившее тогда у Буниных лицо пишет: «Помню, что письмо Берберовой Иван Алексеевич прочел вслух за обедом»⁴. В другом месте Гуль сообщает, что этим «лицом» был Л.Ф.Зуров⁵.

Сообщение Зурова подтверждается дневниковой записью Я.Б.Полонского от 2 ноября 1942 г.: «...Иван Алексеевич получил открытку от Берберовой. Обхаживает его: «На Ваши книги набрасываются в Киеве» (лжет, не сообразила: ведь не на что набрасываться — *советских* изданий почти нет, <...> а эмигрантских изданий тоже нет, да и не могут они по целому ряду причин продаваться там) и дальше: «Мы Вас любим, обожаем, — Бенуа и Шмелев уже заняли определенную позицию, Зайцев — еще нет». Следовательно, остановка-де за Вами. Очень им, видно, нужен для престижа Бунин»⁶. Увы, А.Н.Бенуа, как и Шмелев, сотрудничал в годы войны в пронацистских изданиях.

Крайне недоброжелательно настроенный по отношению к Берберовой Гуль приводит фрагмент из письма к нему Гайто Газданова: «Помню, что мы были как-то в кафе: семья Вейдле, Фельзен (Н.Б.Фрейдентштейн), Берберова, моя жена и я. Это было время германского наступления в Югославии. Берберова была возмущена, — но не немцами, а югославами: «Подумайте, какие мерзавцы сербы! Смеют сопротивляться!» Против нее выступили все, по-разному, конечно... Вейдле и Фельзен более мягко, я — довольно резко. После этого Берберова со свойственной ей простодушной — в некоторых случаях — глупостью, сказала: «Я не понимаю, ну Фельзен — еврей, естественно, что он так говорит. Но Вейдле и Газданов же не еврей?»⁷

Фактически подтвердил обвинения Газданова выступивший в защиту Берберовой ее «большой личный друг» (Р.Гуль) Б.К.Зайцев. В январе 1945 г. он писал Бунину: «...Яков Борисович <Полонский> занимается травлей Нины Берберовой. Эта уж нигде у немцев не писала, ни с какими немцами не водилась, на собраниях никаких не выступала и в Союзе сургучевско-жеребковском⁸ не состояла. Тем не менее, он написал в Объединение писателей, что она «работала на немецкую пропаганду»! Ты понимаешь, чем это пахнет по нынешним временам?

Очень противно. Мы жизнь Нины знаем близко. Решительно никаким «сотрудничеством», даже в косвенной форме, она не занималась, а по горячности характера высказывала иногда «еретические» мнения (нравились сила, дисциплина, мужество)⁹, предпочитала русских евреям и русские интересы ставила выше еврейских¹⁰.

Остается только гадать, каким образом успехи нацистов способствовали защите «русских интересов».

В 1942 году Берберова писала вывезенному из-под Ленинграда в Германию и как бы возникшему из небытия Р.В.Иванову-Разумнику: «Мы уже очень давно не видели никого, кто бы приехал по доброй воле из чуждых мест. А вот уже скоро 3 года, как не видали ни газет, ни книг оттуда. Есть у меня кое-кто из друзей, кот<орые> сражаются на восточном фронте сейчас. Вести от них — самое волнующее, что только может быть. Здешняя наша жизнь — одно ожидание»¹¹.

Опять-таки, трудно представить, что Бунин или Алданов могли причислить к своим друзьям тех, кто «сражался» вместе с нацистами против хотя и Красной, но все-таки русской армии.

Симпатии Берберовой к тогдашним победителям остались, по-видимому, вполне платоническими. В пронацистских изданиях она не печаталась — впрочем, ничего и не писала в годы войны. А разговоры или частная переписка юридически никому в вину вменены быть не могут. Другое дело — репутация. Она могла быть у писателя, возлагавшего какие-то надежды на гитлеровцев, уничтоживших впоследствии, в числе прочих, ряд русских литераторов — евреев (И.И.Бунакова-Фондаминского, Р.Н.Блох, М.Г.Горлина, Ю.Фельзена) и неевреев (Б.В.Вильде-Дикого, одного из зачинателей Сопротивления, Е.Ю.Кузьмину-Караваеву), испорчена навсегда¹². Очевидно, это и обусловило публикуемое ниже письмо Берберовой Алданову, пользовавшемуся высоким моральным авторитетом в литературной среде, в котором она стремилась опровергнуть выдвигавшиеся против нее обвинения. Копии были направлены ею оказавшимся за океаном и, видимо, считавшимся ею влиятельными в моральном и материальном отношении (издатели и сотрудники «Нового журнала» и «Новоселья») литераторам.

Письмо это привело скорее к обратному результату. Нельзя не согласиться с приведенным выше мнением Газданова о находившей иногда на Берберову глупости. Кроме собственноручного и весьма нелепо аргументированного признания в сочувствии нацистам, оккупировавшим Францию, худо ли, хорошо ли, но дававшую на протяжении двадцати лет приют русским изгнанникам, эта якобы последовательная противница «тов. Сталина» (с. 15) сообщала, что возлагала какие-то надежды на союз СССР и Германии. А чего стоит ее рассуждение о том, что ведь и Алданов имел квартиру из многих комнат, значит, подозрения о темных источниках доходов ее мужа, Н.В.Макеева, беспочвенны (в эмигрантской среде сложилось мнение, что благополучие своей семьи сотрудник Лувра Макеев построил на торговле конфискованными у евреев картинами). Но ведь Алданов был, пожалуй, самым популярным эмигрантским писателем в межвоенные годы и чуть ли не единственным, кто мог жить на литературные заработки. Сама же Берберова писала, что не опубликовала с начала войны ни строчки и не заработала ни сантима. Тем не менее ее жизнь в годы войны с материальной точки зрения выглядит более благополучной, чем в годы предвоенные или послевоенные. Во всяком случае, никогда боль-

ше у нее не было 6-комнатной квартиры в Париже; при этом значительную часть времени она проводила в своем деревенском доме. Разумеется, материальное благополучие криминалом не является и формально-юридического обвинения против Макеева выдвинуто не было; речь идет о таком «эфемерном» понятии, как репутация.

Никакого «отпущения грехов» и даже ответа на обширное берберовское послание не последовало. Просто через несколько лет все все забыли. Или сделали вид, что забыли. Кроме самой Берберовой, которая не могла забыть и простить своего унижения. Расквиталась она с «обидчиками» в «Курсиве». Копии ее письма Алданову от 30 сентября 1945 г. были посланы Вишняку, В.М.Зензинову, Г.П.Федотову, С.Ю.Прегель, М.О.Цетлину, М.М.Карповичу и А.А.Полякову. Разговоры о ее письмах с приглашением в оккупированный Париж, как уже упоминалось выше, шли от Бунина и Адамовича. Методы «сведения счетов» стереотипны — это или обвинения в симпатиях к Советам, Сталину или хотя бы к социализму, или стремление принизить литературное значение свидетеля берберовского позора. Иногда частичка правды перемешивается с изрядной долей лжи, иногда ложь присутствует в чистом виде.

Таким образом Алданов оказывается всего лишь автором статьи об эмигрантской литературе; о поэзии Бунина сообщается, что это — подражание Я.П.Полонскому, вдобавок к бунинскому «полному до краев ночному горшку» (с. 298) говорится о том, что его «распад» начался 12 февраля 1945 г., когда за ним заехал С.К.Маковский, чтобы отвезти «к советскому послу Богомолу пить за здоровье Сталина» (с. 299). Однако же в опубликованном протоколе визита группы эмигрантов во главе с В.А.Маклаковым в советское посольство 12 февраля 1945 г. ни Бунин, ни Маковский не значатся¹³. Крайне злобно изображен в «Курсиве» Зензинов. О Федотове в «Биографическом справочнике» первым делом сообщается, что он был социал-демократом в 1905 г., о Вишняке, что он был одним из «сотрудников-специалистов по русским делам в журнале «Таймс-магазин» — несмотря на свои социалистические убеждения» (с. 646). Софья Прегель в «Курсиве» не упоминается, «зато» в письме к Вишняку Берберова уточняет, что, «кажется», она приходится сестрой тому Прегелю, которого несколько раз допрашивала комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Это — стиль «железной женщины». Она ничего не забывала и ничего не прощала. Для сведения счетов использовались любые «подручные средства».

«Повезло» из адресатов берберовского письма разве что М.О.Цетлину, умершему в ноябре 1945 г. (к тому же его вдова принимала Берберову в первые дни ее пребывания в США), и М.М.Карповичу, который, по словам Берберовой, «был другом Ходасевича по Москве и молодости» и от которого она «в тяжелые (и даже голодные) 1945—1949 гг.... получала... в Париже посылки из США — не от «комитетов» и «фондов», но от него лично»¹⁴.

Кстати, Р.Гуль, встречавший Берберову в Америке и в «Новом журнале» ее также печатавший, был ею произведен едва ли не в советские агенты (с. 652).

Надеюсь, что настоящая публикация поможет прояснить не только некоторые странности в ставших бестселлером мемуарах, но и послужит источником для истории русской эмиграции в один из самых драматических ее периодов.

* * *

Несколько слов об участниках публикуемой ниже переписки. В специальном представлении они вряд ли нуждаются. Напомню лишь, что Нина Николаевна Берберова (1901—1983) уехала из России в 1922 г. вместе со своим тогдашним мужем В.Ф.Ходасевичем и после скитаний по различным европейским странам обосновалась с 1925 г. в Париже; в ноябре 1950 г. переехала в США, где в 1956—1963 гг. преподавала русский язык и литературу в Йельском, а в 1963—1971 — в Принстонском университете. Марк Александрович Алданов (Ландау) (1886—1957) — один из популярнейших писателей «Русского зарубежья», эмигрант с 1919 г., в декабре 1940 г. переселился в США (Нью-Йорк); в 1942 г. им совместно с М.О.Цетлиным был основан «Новый журнал», соредактором которого он был с первого по четвертый номер; в 1947 г. Алданов вернулся во Францию. Марк Вениаминович Вишняк (1883—1975) — эсер, секретарь Учредительного собрания, в историю русской литературы вошел прежде всего как один из редакторов и секретарь редакции парижских «Современных записок», публицист и мемуарист. «Парижанин» с 1919 г., он уехал в США в октябре 1940-го и остался там до конца жизни. Вишняк преподавал русский язык и русскую историю в ряде американских университетов, много печатался в «Новом журнале», «Социалистическом вестнике», «Новом русском слове».

Для публикации нами отобраны письма Берберовой, Алданова и Вишняка 1945—1947 гг., наиболее ярко отражающие суть «дела Берберовой», а также два письма Берберовой и письмо Вишняка, относящиеся к осени 1965 г. Прошло двадцать лет после окончания Второй мировой войны, страсти, связанные с «ориентацией» русских эмигрантов в период нацистской оккупации Франции, казалось, давно остыли. Однако, как свидетельствуют публикуемые тексты, были готовы вспыхнуть при любой неосторожной попытке затронуть прошлое. Как видно из контекста, Берберова и Вишняк совместно путешествовали на судне «Франс» летом или в начале осени 1965 г. Вишняк, похоже, приходил в себя после болезни, Берберова была в отпуске. Среди прочего они, по-видимому, достаточно спокойно обсуждали подробности «дела», в суть которого Берберова сочла необходимым посвятить Вишняка в 1945 году.

«От нашего путешествия у меня сохранилось самое приятное воспоминание, — вполне дружелюбно писала Вишняку в начале октября Берберова. — Мне было с Вами не только уютно, но и интересно... Здесь в первые недели было очень много дел. Я не могу отсутствовать 3 месяца — столько надо прочесть, столько людей увидеть! Сейчас стало легче. Немного «догнала» жизнь. Прочла Эренбурга, Твардовского о Бунине (вот так хлам!); занимаюсь архивом «Серрапионова брата», Льва Лунца, который покупает Йельская библиотека; довольно много провожу времени с моими аспирантами: шесть диссертаций отнимают у меня больше часов, чем два курса лекций! Очень у меня способные студенты — это одна из моих главных радостей. Но зато и тянут они из меня, все что могут...»¹⁵

Однако какой взрыв ярости последовал после того, как Вишняк захотел что-то уточнить о берберовском «деле» в очередном письме («два месяца тому назад Вы учинили мне допрос...»). Как раз в это время работа над «Курсивом» вступила в заключительную фазу...

Публикуемые ниже письма извлечены мною из личного собрания М.В.Вишняка, находящегося в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Калифорния, США) (Hoover Institution Archives, Stanford University, California), коробки I-A и I-D. Все письма, за исключением письма Берберовой Алданову, публикуются впервые. Письмо Берберовой Алданову было опубликовано Юлией Гаухман по копии, находящейся среди бумаг С.Ю.Прегель в библиотеке Иллинойского университета (Урбана-Шампейн)¹⁶. Однако в публикации Ю.Гаухман письмо, к сожалению, вырвано из контекста и не прокомментировано. Все письма публикуются полностью, за исключением письма Алданова Вишняку от 19 января 1947 г., в котором опущена завершающая часть, не относящаяся к основной теме публикации (в ней речь идет о возможности приезда Вишняка во Францию, дальнейших планах Алданова и т.п.).

Публикация сопровождается краткими комментариями. Об упомянутых в письмах персоналиях в том случае, если более подробные справки можно найти в энциклопедическом биографическом словаре «Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Т.1. Писатели Русского Зарубежья» (М.: РОССПЭН, 1997) и в «Кратком биографическом словаре Русского Зарубежья», подготовленном Р.И.Вильдановой, В.Б.Кудрявцевым и К.Ю.Лаппо-Данилевским и включенном в книгу Г.Струве «Русская литература в изгнании» (Париж; М.: УМКА-Press; Русский путь., 1996), сообщаются лишь минимально необходимые сведения.

- 1 *Гуль Р.* [Рец. на кн.:] N.Berberova. The Italics Are Mine. New York, 1969 // Новый журнал. 1970. Кн. 99. С. 283—292.
- 2 Алданов М.А. — Вишняку М.В., 29 августа 1944 // Архив Гуверовского института войны, революции и мира, Стэнфордский университет, Калифорния, США. Коллекция М.В.Вишняка. Кор. 1-А.
- 3 В своих восторгах Берберова была не одинока. Д.С.Мережковский в выступлении по радио после вступления немецких войск в Париж назвал Гитлера «новой Жанной д'Арк» (см: *Витковский Е.В.* Почерк Петрарки // Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 15).
- 4 *Гуль Р.* Указ. соч. С. 288.
- 5 *Гуль Роман.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1989. Т. III. С. 106.
- 6 Дневник Я.Б.Полонского: Иван Бунин во Франции / Публ. Е.Эткинда // Время и мы. 1980. № 55. С. 292.
- 7 *Гуль Роман.* Я унес Россию. С. 106.
- 8 *Жеребков Ю.С.* — сын флигель-адъютанта Николая II, в эмиграции — в Германии, профессиональный танцор. Был назначен нацистами главой русской эмиграции во Франции.
- 9 «Всю жизнь любила победителей больше побежденных и сильных более слабым. Теперь не люблю ни тех, ни других», — приводит Берберова свою дневниковую запись от апреля 1941 года (*Берберова Н.* Курсив мой. С. 467).
- 10 Письма Б.К.Зайцева к И.А. и В.Н.Буниным. Публ. М.Грин // Новый журнал. 1980. Кн. 140. С. 164—165.
- 11 Цит. по: *Шерон Ж.* Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 47.

- 12 По-видимому, Берберова опомнилась, когда нацисты добрались до ее знакомых. «Когда же евреев стали так гнусно мучить, — сообщал Б.К.Зайцев И.А.Бунину в цитированном выше письме, — сама же им помогала, как и мы все, как умела. Одно сделала глупо: написала что-то неосторожное Адамовичу. Этот, очевидно за неимением лучшего дела, стал раззванивать всюду, и чепуха эта добралась даже до Америки» (Письма Б.К.Зайцева к И.А. и В.Н.Буниним. С. 165). «Что-то неосторожное» Берберова писала, как показано выше, и самому Бунину.
- 13 Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. Кн. 100. Опубликованный протокол идентичен тому, который находится в Гуверовском архиве среди личных бумаг В.А.Маклакова.
- 14 Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 230.
- 15 Берберова Н.Н. — Вишняку М.В., 9 октября 1965 // Архив Гуверовского института. Коллекция М.В.Вишняка. Кор. I-D.
- 16 Из архива Софьи Юльевны Прегель / Публ. Юлии Гаухман // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т. IV: 1939—1960 гг. Иерусалим, 1995. С. 284—291.

1

Н. Н. Берберова — М. А. Алданову

Н.Н.Берберова. 21 рю Миромениль.
Париж. 30 сент. 1945

М.А.Алданову. Нью-Йорк.

Копии: В.М.Зензинову¹, Г.П.Федотову², М.В.Вишняку, С.Ю.Прегель³, М.М.Карповичу⁴, М.О.Цетлину⁵ и А.А.Полякову⁶.

Дорогой Марк Александрович,

Я давно хотела писать Вам. Б.К.З<айцев>⁷, получив письмо от Вас в марте и показав мне его, советовал это сделать. Маклаков⁸ спрашивал меня: почему я не напишу Вам, чтобы раз навсегда положить конец «всей этой чепухе». Я писала А.Ф.К<еренскому>⁹, писала подробно, послала ему даже стихи свои («гражданские»). Послала также выписку из письма Бунина¹⁰ ко мне, может быть, он Вам ее показывал? Однако, теперь из письма Вашего к Рыссу¹¹, я вижу, что Вы все еще настаиваете на прежнем, и что со времени Вашего письма к Б.К.З<айцеву> (март 45) ничто Вас еще не разубедило в моих политических преступлениях. Все это время я не решалась Вам писать по одной важной причине: я не могу до сих пор понять, что именно мне ставят в вину в Америке? Я все надеялась, что Вы объясните мне это в письме к Рыссу. Но дело еще только больше запуталось, потому что в первом Вы пишете о каких-то якобы моих письмах к Рудневу или Рудневой¹² (от 40 г.), а во втором ссылаетесь уже совсем на другое: на привезенный Цвибаком¹³ слух (!) о якобы моем сочувствии немцам в 40 году. Затем Вы пишете о каких-то миллионах — выражение, ча-

сто встречающееся в Ваших письмах, когда дело идет обо мне и Н.В.М<акеев>¹⁴, причем в письме к Б.К.З<айцеву> Вы только спрашиваете, есть ли они, а в письме к Рыссу уже утверждаете, что они существуют. Когда Вам пишут из Парижа люди, выдавшиеся (так! — О.Б.) меня все эти пять лет из месяца в месяц, что миллионов никаких нет, а в политических преступлениях я не повинна, то Вы отвечаете, что это Вам лучше известно и о том удобнее судить. И все это на основании клеветы, пущенной обо мне мерзавцем, находящемся с Вами в свойстве¹⁵!

Я считала Вас со времени нашего знакомства (1923 г.) и продолжаю считать человеком абсолютно честным. Отношения наши были безоблачны 16 лет. Я радуюсь Вашим американским успехам, и все это время, когда думала о дорогих мне людях за океаном, думала и о Вас. И это письмо я пишу, чтобы раз навсегда ответить Вам на все, что Вы писали обо мне разным людям. Я знаю, в Америке у меня есть друзья, которые несмотря на газетную грязь, которой меня обливают (и на которую будет реагировать мой адвокат), до конца уверены во мне. Сюда приезжал В.В.Сухомлин¹⁶, с которым политически я не схожусь, но с которым ценю давние хорошие отношения. Ему объяснять мне было нечего: он меня знает и во мне не сомневался, но он мне кое-что разъяснил. Он увидел, как мы живем (Н.В.М<акеев> случайно участвовал в «резистанс»¹⁷ вместе и бок о бок с его лучшим другом). Он видел меня перед своим отъездом в 40 г., в самый день разгрома Тургеневской библиотеки¹⁸, и навсегда запомнил мое отношение к происходившему. Перед ним мне оправдываться было не в чем. Но я вижу, что по вине негодяя, оклеветавшего меня, мне необходимо оправдаться перед Вами. Начну издалека.

Если правда, что опубликованы мои частные письма к Рудневу или Рудневой, то краснеть надо не мне, а тому, кто эти письма обнародовал. Но оставим в стороне этику — возможно, что нынешние литературные нравы это допускают. Это отчасти развязывает руки и мне. Да, в 1940 г., вплоть до осени, т.е. месяца три, до разгрома библиотек и первых арестов, я, как и 9/10 французской интеллигенции, считала возможным, в не слишком близком будущем, кооперацию с Германией. Протестовали тогда одни (или почти одни) эписте¹⁹ — по случаю того, что мало бифштеков. Мы были слишком разочарованы парламентаризмом, капитализмом, третьей республикой, которая для нас отождествлялась со Стависским²⁰. Да и Россия была с Германией в союзе²¹ — это тоже обещало что-то новое. Мы увидели идущий в мир не экономический марксизм, и даже не грубый материализм. Когда через год выяснилось, что все в нац<ионал>-соц<иализме> — садизм и грубый империализм, отношение стало другим, и только тогда во Франции появилось «сопротивление» (резистанс). Так судила я, так судили многие вместе со мной, но отсюда было далеко до совершения каких-либо политических поступков: я не печаталась, не выступала на вечерах, не состояла членом «правого» союза писателей. Да не стоит и говорить об этом: все те, кто печатался, выступал или состоял в союзе — давно «вычищены»; они либо в тюрьме, либо в бегах, либо под бойкотом. Когда-то милейший капитан; чета поэтов²²; автор «Няни»²³ и «сам» Сургучев²⁴. Бедная Червинская²⁵ до сих пор в тюрьме!

22 июня 1942 (так! — О.Б.) г. все изменилось. А еще через год начался тот страшный террор, от которого мы еще и сейчас не совсем оправились. Вы упоминаете в Ваших письмах об О.В.Х<одасевич>²⁶. Увы, я ничего не

могла для нее сделать, хотя и пыталась. Марианну²⁷ услали сейчас же. Оля оставалась в Дранси 2 месяца, потому что взятый нами адвокат доказывал, что ее муж был ариец. Это не помогло, как не помогло и свидетельство о крещении. Меня близко коснулись и другие страшные случаи, но я не люблю о них распространяться, особенно сейчас это звучит как желание оправдаться в чем-то. Передо мною лежит письмо П.А.Берлина²⁸ (предс<едателя> одной еврейской организации, с ним я была все время в контакте). Оно начинается так: «Позвольте еще раз горячо поблагодарить Вас». Этот человек мог бы кое-что рассказать обо мне хорошее, но сейчас прибегать к нему я считаю для себя унижительным. Кое-что мог бы сказать обо мне и Хейфец, старый сотрудник «П<оследних> Н<овостей>», но его уже нет на свете. Если увидите кого-нибудь из близких ему людей (Изу Кремер²⁹), дайте им мой адрес — я могу сообщить им о его последних неделях, которые мне удалось скрасить. Это я пишу не для того, чтобы выставить перед Вами мои заслуги перед евреями, но для того, чтобы Вы знали обо мне правду. Помочь Хейфецу деньгами я, к сожалению, не могла — мы помогали только одному человеку (с ним Вы в переписке), денег у нас было мало. Но мне удалось косвенно облегчить ему жизнь. Также удалось помочь косвенно Вашему брату, который был болен и одинок: баронесса Менем через мое посредство и по моей просьбе несколько раз посылала ему из По деньги. Об этом негодяй, клеветущий на меня, конечно не имеет понятия, хотя Ваша сестра могла бы ему об этом намекнуть.

Второе Ваше обвинение (или обвинение, поддержанное Вами) касается каких-то слухов (!), привезенных Цвибаком (или кем-то другим) из «свободной зоны». Если бы Цвибак или кто-нибудь другой видели меня лично и говорили бы со мной, я сказала бы, что это ложь, но так как эти люди имели сведения обо мне, видимо, из третьих рук, то это просто — бабьи сплетни, о которых стыдно говорить. Два имени были упомянуты при этом: писалось, что якобы Бунин и Адамович³⁰ говорили кому-то о том, что я предлагаю им работать с немцами. На это скажу, что, во-первых, я сама с немцами никогда не работала и ни с одним немцем дела не имела (как и Н.В.М<акеев>), а во-вторых — и от того, и от другого у меня имеются письма, где они заверяют меня, что никогда обо мне ни с кем не говорили. И с тем и с другим я была все эти годы в переписке. Бунин бывает у меня; недавно он, Зайцевы и Тэффи³¹ у меня завтракали и мы даже пили за Ваше, Марк Александрович, здоровье. С Адамовичем отношения у меня самые дружественные — он едва не остановился у меня, когда весной приехал из Ниццы, отелей пустых почти нет. Но подвернулась комната у наших знакомых и обошлось без этого. Выписываю из их писем то, что относится к моему делу:

«3 августа. 1945.

Дорогая Н.Н. Только что получил Ваше письмо. Утверждаю формально и категорически, что никогда никому о Вас и Ваших каких-то предполагаемых поступках не писал. Вы пишете: «Вы и Бунин...» В сопоставлении моего имени с Буниным, мне конечно лестно, «что-то лежит роковое». Начинает лежать, по крайней мере. Какие бы письма из Америки я ни получал, всюду пишут «Вы и Бунин» — как только дело идет о делах вроде того, которое задело Вас. Мы, по-видимому, попали там в столпы и

оплоты резистанса и на нас ссылаются по разным поводам (порой таким курьезным, что Вы и не поверили бы?).

Должен добавить, с полнейшей уверенностью, что никаких действий или выступлений я Вам никогда не приписывал — и что образ мыслей, *каковы бы эти мысли ни были*, никогда в моем представлении не мог и не может быть порочащим. Как мне эти слезки и расспросы надоели, сказать Вам не могу!

Всего доброго. Примите мой сердечный привет. Преданный Вам Г.Адамович».

2 февр. 1945

«Нина, за все эти годы, что я сижу здесь, с начала июня 1940 года, я никогда и никому не сказал о Вас ни единого плохого слова! Алданову я не писал о Вас никогда ни единого слова — извольте запросить его самого об этом. Я вообще ровно ничего не писал ему о Вас за все время его пребывания в Америке. Но вот оказывается, что я будто бы, как последний подлец, написал донос на Вас! Как Вы могли поверить этому — не постигаю! Не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог написать про Вас что-то скверное, *в то самое время*, когда так дружески переписывался с Вами. Хорош же выхожу я!

Ив.Бунин.»

Простите, Марк Александрович, я не могла не улыбнуться, когда читала в Ваших письмах о том, что я звала обоих работать с немцами (хотя смешного в этом ничего нет: за это меня, если бы это была правда, могли посадить, судить и осудить). С 1940 г. (со дня получения гонорара, последнего из «П<оследних> Н<овостей>»), я не заработала ни копейки, ни с одним немцем никогда не говорила — кроме как в день, когда 12 солдат сделали у меня обыск. Н.В.М<акеев> с 1928 года заказывает себе все те же визитные карточки, где имя его и фамилия написаны на английский (или американский) лад: Nicolas V. Makeev. Только клеветник и мерзавец может читать это как «фон Макеев», тем более что г-н Полонский видел эти карточки еще на входной двери Макеева на рю Клод Лоррэн, где они вместе жили. В.А.Зайцева³², при всей своей бедности, обещала этому подлецу 1000 фр., если он такую карточку с «фон» ей найдет — после этого он перестал говорить об этом. Вообще, храбростью он не отличается: «литературно-юмористическая» газета «Честный слон», где он и его жена были вначале единственными сотрудниками, теперь продолжается без него: он ушел на следующий день после того, как на бульваре Монпарнас избили редактора Кобякова³³, кстати, служившего два года фотографом при немецком ген. штабе.

Возвращаясь к Н.В.М<акееву>, скажу, что до 1942 г. он почти безвыездно жил у себя в деревне, а с 1942 г. работает при Лувре, от Лувра же ездил в январе 1945 г. в Женеву. Здесь несколько торговцев картинами арестовано, многие оштрафованы за торговлю с немцами. Н.В.М<акеев> по-прежнему продолжает работать с Лувром. Да, у нас в квартире шесть комнат — если уж дело дошло до этого! Но это не больше, чем было у Вас в Вашей парижской квартире, где Вы в четырех комнатах жили вдвоем: мы в шести живем втроем, из которых две отданы под контору.

Вы пишете, что так как мы очень богаты, то нам решено не посылать посылок. Я не прошу посылок. Друзья, которым Вы и Ваш комитет посы-

лаете, делятся со мной. Я не так самолюбива, чтобы отказываться от чая и шоколада, которых здесь нет. Я писала А.Ф.К<еренскому>: как десять лет назад, так и сейчас, я сама себе шью платья. В устах негодяя, который клеветает на меня, наш деревенский дом превратился между прочим в «шато». Тщетно Зайцевы уверяют его и его жену, что они по нескольку раз за эти годы жили в этом «шато» — он упорно твердит о том, что им показывали *другое*, и что, кроме того, мы купили дом в Париже. Достаточно, я думаю, провести в нашей квартире сутки, чтобы понять наше материальное положение. Послезавтра из Шамони приезжает к нам гостить Феня Шлезингер, может быть она сможет Вас разуверить в том, в чем не смогли Вас разуверить ни Б.К.З<айцев>, ни другие корреспонденты.

Есть еще, как слышно, третье обвинение, которое вы против меня поддерживаете: мое посещение салона Мережковских³⁴. Я якобы бывала там и даже что-то там читала. Но, во-первых, я с 1929 года вообще не бывала у них — вплоть до смерти Д.С.<Мережковского>, а во-вторых, когда стала бывать — после его смерти, зимой 1942 года, то уже салона никакого не было («салон», между прочим, в буквальном смысле был закрыт, сидели вокруг стола в столовой). Бывали изредка Зайцевы, Тэффи, Мамченко³⁵ (я — раза два в год), да два-три старика из богадельни Сент-Женевьев де Буа. С большим трудом (З.Н.<Гиппиус> была почти совершенно глуха) велся разговор. Конечно, о том, чтобы что-нибудь кому-нибудь читать, никому и в голову не приходило.

Скажу еще об одном деле: до Вас, быть может, дошли в свое время слухи о том, как немцы предлагали нескольким писателям издать их произведения для оккупированных областей России. Они обратились к Мережковским, а уже они — к Зайцеву, Тэффи, Ремизову³⁶, Шмелеву, мне и еще кому-то. Никто рукописей никаких не дал и денег, конечно, не получил. Тогда немцы произвели гораздо более выгодную для них операцию: они просто скупили в русских книжных магазинах (за наличные деньги) русские книги, так что в Киеве, Пскове и Одессе продавались и мои, и Ваши, и даже Цвибаковы сочинения! Голод был там на книги отчаянный — об этом писал мне один старый русский литератор, оказавшийся по сю сторону фронта, левый эс-эр, друг Блока, знакомый мне по Петербургу 1922 г.³⁷ Так что люди буквально плакали от радости, когда держали в руках лоскут «Пос<ледних> Нов<остей>», старую книжку «Совр<еменных> Зап<исок>» или Ваши, или мои сочинения. Об этом у меня есть очень интересные письма. Конечно, *главным образом* в Россию шла заваль — не разошедшаяся здесь. Мне говорил один издатель (и мой, и Ваш), что романы Корсака³⁸ грузились «тоннами».

Возвращаясь к Вашим письмам, я скажу еще, что мерзавец, с которым не судятся, но которого при встрече бьют, пользуясь близостью с Вами, сделал все, чтобы клевета его подействовала. Но кто он? Мы что-то не слыхали здесь, чтобы он или его взрослый сын отличились за эти годы в «резистанс». Теперь он представитель во Франции «Нового журнала» и получатель на весь Париж посылок и помощи литераторам. Всем ясно — почему. Увы, прикрывшись Вашим именем, он делает еще не одну подлость — не против меня, но против любого не понравившегося ему человека. Вы спросите: почему? Есть у французов словечко, которое все объясняет: в любой среде Вы услышите его. Когда услышите, не настаивайте, не спрашивайте, что оно значит. Это словечко — жалузи³⁹. Кюре убил свою

любовницу — жалузи. Старая дева свою горничную — опять жалузи. Кто-то кому-то написал анонимное письмо — опять и опять жалузи. А большего добиться невозможно. Думаю, что это словечко сейчас пригодилось бы и нам.

Цель этого письма — не только Вам рассказать правду о себе, но и сделать, чтобы как можно большее количество моих друзей ее узнало. Я посылаю десять копий — разным людям, меня знавшим. Я прошу их как можно шире распространить все то, о чем я здесь пишу. Вы продолжаете писать в Париж, что большинство сотрудников «Нового журнала» уйдет, «если журнал напечатает Б<ерберо>ву». Печататься я пока не собираюсь, я уже пять лет не печаталась, но я хотела бы, чтобы люди, которые помнят меня, не краснели за меня. У меня есть доброе имя. Я борюсь за него. Подумайте только: Элькин⁴⁰ из Лондона запросил Маклакова, что ему думать о доносах на меня Полонского! Воистину: два континента заняты моей особой, благодаря этому негодяю.

Мне не хочется Вам говорить, чего именно я хотела бы от Вас. Я думаю, что Вы и так это поняли. Вспомните, Марк Александрович, что Вы живете в свободной стране, окруженный единомышленниками, у Вас журнал, у Вас газета. Я же и мои друзья, *согласные с Вами в основном и вечном* — принуждены жить сейчас в Париже, как если бы мы жили в «маки».

Н.Берберова

2

М. А. Алданов — М. В. Вишняку

13 ноября 1945

Дорогой Марк Вениаминович.

Вчера мы похоронили Михаила Осиповича <Цетлина>. Его кончина для меня большое горе. Должен написать его некролог, — очень тяжело.

Марья Самойловна <Цетлина>⁴¹ держится превосходно. Я сегодня опять у нее был.

Михаил Михайлович <Карпович> был на похоронах, и мы говорили о журнале. Мне так неприятна эта работа (бесконечные письма, неприятности, корректуры, сбор денег, и т.п.), что по совести я хотел бы передать «Новый журнал» другой группе: он слишком меня утомляет и слишком много отнимает времени, которого у наших лет немного. Однако и другой группы нет, и, главное, Марья Самойловна непременно хочет продолжать дело, да и Михаил Михайлович стоит за это. Мы порешили, что он и будет впредь *единоличным* редактором. Я буду помогать, но все решать будет он, и только его имя будет на обложке. Марья Самойловна обещает, что часть черной работы будет с меня снята, — хотя я совершенно не вижу, как и кем: мы ничего платить не можем. Я именно за эти три-четыре месяца на себе почувствовал, как много работы делал до того Михаил Осипович.

Я уже писал Вам о Ваших рецензиях. Не сердитесь на меня. Типография их не нашла. М<ария> Сам<ойловна> говорит, что не находит их в бумагах покойного Мих<аила> Ос<иповича>, а как теперь настаивать? Надеюсь, у Вас сохранились копии.

По Вашему желанию, посылаю при сем письмо Берберовой (верните). *Я отроду не говорил и не писал никому в Париже девяти десятых того, что она мне приписывает.* Я вообще о ней не писал ничего, кроме *ответных* двух писем Зайцеву и Рыссу, которые вяло (особенно второй) ее защищали. Не мог же я им ответить на их просьбу ее реабилитировать. Удивительно, что она основной факт, свою «ориентацию» в 1940-1 году, признает, и в какой форме (я отчеркнул красным карандашом на полях) — и, очевидно, совершенно не понимает, что же тут было дурного! Кстати, тут же сама изобличает других, напр. «чету поэтов», т.е. Иванова и Одоевцеву (Иванов сюда прислал несколько писем, в которых тоже говорил, что его оклеветали разные «мерзавцы»). Я парижанам сто раз советовал устроить в Париже суд чести. То же самое я ответил бы Берберовой, если бы в ее письме не было грубейшей брани по адресу Полонского (даже Ляли коснулась!). Теперь ответить не могу и не отвечаю. Пожалуйста, кроме Самсона Моисеевича⁴², *никому* обо всем этом не говорите и не пишите. Меня это письмо расстроило: ведь не могу же я всем получившим его объяснять, что она мне приписывает то, чего я никогда не говорил и не писал (впрочем, меня расстраивает теперь решительно все). Почему она думает, что о ней сюда писал *только* Полонский, и почему Полонский именно к ней должен был испытывать такую жгучую «жалузи», — остается ее секретом. Со всем тем, как Вы знаете, я был решительно против разоблачительных статей Якова Борисовича, просил Полякова их не печатать и писал Полонскому, что он на суде не смог бы доказать многих своих обвинений.

Напишите мне, пожалуйста, не жалея места, что Вы (и С<амсон> М<оисеевич>) об этом думаете.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет, такой же Марье Абрамовне.

Ваш М.Ландау

Бергер сказал мне, что исполнит Вашу просьбу.

Я все-таки думаю, что Вам благоразумнее не отказываться пока от места.

3

М. В. Вишняк — М. А. Алданову

21-ое ноября 45 г.

Дорогой Марк Александрович!

Благодарю Вас за Ваше письмо и присылку письма Берберовой. Отвечаю с некоторой «оттяжкой», потому что ждал, по Вашей просьбе, «заключения» Самс<она> Моисеевича по тому же малорадостному делу. Оказалось, что мы снова разошлись с С<амсоном> М<оисеевичем> во мнениях, и он напишет Вам самостоятельно очень подробный — и интересный — разбор письма Б<ерберовой>. С прокурорским, я бы сказал, подходом к ее показаниям⁴³. Не буду писать своего «заключения», — которое является скорее даже не заключением, а *впечатлением*, — отталкиваясь от того, что доказывает С<амсон> М<оисеевич>, напишу так, как мне почувствовалось при чтении письма и каким остается мое впечатление после обдумки в течение нескольких дней и выслушания доводов С<амсона> М<оисеевича>.

Начну несколько издалека и более или менее — доверительно. Я никогда не был другом Н.Н., не целовал ей рук, не признавал в ней «секс-апил» (имею в виду Ивана Алексеевича) и т.д. Но я приятельствовал с ней, цenia и приятельствуя (так! — О.Б.) с Ходасевичем⁴⁴. Много в ней мне не нравилось, но я не мог отрицать ни ее ума (не даровитости), ни ее работоспособности и энергии. Как беллетристку я ее никак не ценил, — хоть и печатал. В итоге — я никак не могу причислить себя к расположенным в ее пользу по той или иной причине. Я не только хочу быть, как каждый из нас, «объективным» — или справедливым, но, думается, и *могу* им быть в этом деле.

Что я знал о недоброкачественном поведении Н.Н. за время оккупации? — Как и другие, я, во-1-х, слышал, что она приглашала не то к литературному сотрудничеству, не то к чему-то другому, связанному с признанием и примирением с наци, Бунина и Адамовича; во-2-х, что Макеев делал недурные дела с немцами и настолько далеко зашел в желании приспособиться к ним, что даже переименовал себя в «фон» Макеева; и, наконец, в 3-их, что от таких «неправедных» трудов у четы М<акеевых> оказались «палаты каменные» в форме особняка в центре Парижа на рю Миромениль.

Я отнюдь не склонен придавать полную веру всем словам и заявлениям Берберовой. Кое-что в них меня даже возмущает (например, — полная безучастность к судьбе евреев вообще и примирение с отдельными случаями террора, свирепствовавшего с первого же дня: «Марианну услали сейчас же», — отмечает сама Б<ерберова>, — вплоть до того, как, вместе со все-французским умонастроением, изменилась и политическая ориентация Нины Никол.); другое же звучит неправдоподобно и даже комично: «мы (?) были слишком разочарованы парламентаризмом... Россия была с Германией в союзе — это тоже обещало что-то новое (?). Мы (?) увидели идущий в мир не экономический марксизм и даже не грубый материализм» и т.д. Это все «разговоры «для бедных» и — дисгармонирует с очень умно и ловко составленным документом.

Но если ВСЕ три основания, на которых покоются наши суждения, формально опровергаются, мы не имеем, мне кажется, права настаивать на своих суждениях, не попытавшись их проверить.

Что Б<ерберова> думала про себя, никто не знает и, в конце концов, не существенно. Существенно ее внешнее оказательство. Зная, что и как пишет мистер Седых — сегодня поп, а завтра раввин, — я не стал бы полагаться на его единоличные заявления. Я хотел бы вновь перечитать письмо, которое мне зачитал Александр Абрамович <Поляков> — от Адамовича. Там, мне кажется, содержится некое не вполне категорическое, но все же указание на полученное им от Б<ерберовой> письмо с предложением. Может быть, у Вас имеются другие данные или даже источники осведомления. У меня их не было, и я их не знаю. — Но по этому пункту Б<ерберова> можно «оставить под подозрением», в худшем случае, но никак еще не осудить.

Второй пункт о «фон» М<акееве> представляется мне столь убедительно объясненным — и опровергнутым, — что я рекомендовал бы с ним не считаться по крайней мере до получения от Якова Борисовича его версии: откуда он взял своего «фона»?

Наконец, третий пункт, о доме на Миромениль, убедителен только в том отношении, что Макеева никто к суду не привлек, не арестовал и проч.

Несомненно, что он имел дела с немцами, «жил» ОТ немцев, даже если получал деньги в конторе Лувра. Меня справедливо считают морально-политически мало терпимым ко всяким дельцам и делишкам. Макеев, как Вы знаете, не герой моего романа: я не был его шафером на плюс первой свадьбе и не обелял его растраты с «христианской» точки зрения. И сейчас он мне мало привлекателен. (Я знаю, что в Швейцарии он произвел недавно отвратительное впечатление на Кускову⁴⁵.) Но я убежден, что в той или иной мере НЕ жили от немцев во время оккупации и режима Виши только немногие: либо «фанатики», либо счастливики. Формально все общались через французские учреждения с немцами. И, потому, желая быть беспристрастным, я не стал бы поддерживать против Б<ерберовой> обвинения в коллаборации с немцами на том основании, что и она косвенно обогащалась и обогатилась «благодаря» Макеевским сделкам, или проделкам. Иметь большой особняк на Миромениль одно, иметь же там квартиру, хотя бы о 6 комнат, — совсем другое.

Письма Бунина и Адамовича, которыми Б<ерберова> заручилась, стоят, конечно, немногого. Но проверить данные, которыми мы располагали о Б<ерберовой>, — если и у Вас нет ничего другого, как у меня, — мне кажется, показуется. Если Вы не послали копии ее письма Полонскому, пошлите, не откладывая. Постарайтесь получить контр-реплики на реплики Б<ерберов>ой и со стороны людей не в драке, показания которых могли бы быть внутренне убедительными. Я предполагаю в письме к Амин<аду> Петров<ичу>⁴⁶, которое напишу на днях, запросить его обо всей этой истории. Я ему верю.

Уверен, что я Вас вдвойне не удовлетворил: и по содержанию своего «впечатления», и аргументацией. Бога ради, не говорите даже себе, а не то, что другим, что я «защищаю» Берберову. Отнюдь нет!!! Будь я в Париже, я, вероятно, перестал бы с нею общаться. Но в обладании тех данных, которыми я обладаю, я не стал бы доказывать, что она и Мережковский были более или менее одним и тем же. Как я считаю вредным плодить лишних антисемитов, выдавая за антисемитов и тех, кто всячески открещается от того, так я бы не стал общественно-политически настаивать на том, что коллаборационистами являлись и те, кого фактически никак нельзя уличить в том. Всякое сомнение должно идти в пользу подозреваемого не потому только, что это догма всякого правосудия, — но и потому, что во всяком массовом явлении вы вынуждены пользоваться этой предпосылкой, чтобы не погрязть окончательно в «третейских судах» и проч. В порядке личном я вынес бы одно решение, даже если бы «улики» были не на все 100% убедительны, но в порядке общественном, как и в случае с Вольским⁴⁷, я не был бы столь категоричен.

Мне нетрудно себе представить, как Вам не только неприятна, но, вероятно, и мучительна вся эта история — и лично, и общественно. Вопреки Вам, я не рискую осуждать Якова Борисовича, ЕСЛИ ВСЕ, что он утверждал, ОН ИМЕЛ ОСНОВАНИЯ СЧИТАТЬ ПРАВИЛЬНЫМ. Я почел бы своим моральным долгом сделать то же, если бы я узнал нечто подобное даже о ближнем своем, — это элементарнейший долг перед замученными теми, с которыми так или иначе общались Макеевы. Но ЕСЛИ все это было — или казалось — правдой!.. Якова Борисовича Вы знаете несравненно лучше меня. Он человек горячий и страстный, но, судя по его

статьям, он мне казался точным и методичным. Сейчас приходится проверить его подход к общественным делам — руководствуется ли он только страстью («беззаветной любовью и безотчетной верой в единого и непогрешимого Павла Николаевича⁴⁸», ненавистью к врагам еврейского народа и т.п.) или он опирается на факты. — Слово за ним в первую очередь. Не откажите, пожалуйста, осведомить меня о его реакции на письмо Б<ерберовой> (я копии обещанной от нее не получил, — и вообще «свят» во всем этом деле).

Повторяю: очень Вам сочувствую и понимаю, как Вам неприятно. Но такова судьба не только редактора, как я многократно Вам доказывал, но и общественного деятеля, всячески желающего им не быть!

С большинством Ваших замечаний относительно письма Б<ерберовой> я согласен. Но это, мне кажется, все-таки не меняет существа дела.

Написах, еже писах, — «не жалея места», как Вы просили.

Хотя подтверждения не получил, но все же надеюсь, что обе мои рецензии, вновь написанные, получены Бергером своевременно.

Вы советуете мне «не отказываться от места». Но я и не предполагал отказываться. Буду мыкаться здесь, пока будут держать или вообще не закроют «заведения», — что может случиться, на мой взгляд, очень скоро. Увы, и на этот случай не вижу для себя не то что службы, но даже работы.

Лучшие приветы Т<атьяне> М<арков>не⁴⁹ и Вам от нас обоих.

А как с визой во Францию? Может быть, Вы уже отказались от бывшего плана, — в частности, чтобы не встретиться с Ниной Николаевной?!..

4

М. А. Алданов — М. В. Вишняку и С. М. Соловейчику

26 ноября 1945

Дорогие Марк Вениаминович, Самсон Моисеевич.

Получил сегодня Ваши письма о Берберовой, большое спасибо; Вы оба потратили много времени на разбор и на ответ.

Я письма ее Полонскому не посылал и не пошлю, так как 1) узнав, что она в циркулярном письме касается не только его, но и его жены и сына, он мог бы сделать что-либо дикое, 2) в моем препроводительном письме к нему был бы неизбежно неприятный элемент: «ай толд йу со»⁵⁰. Как Вы знаете, я не только был против помещения трех четвертей его разоблачений в «Н<овом> р<усском> слове», но и безуспешно просил А.Полякова и Цвибака этих трех четвертей не печатать. Как Вы, кажется, тоже знаете, я исходил главным образом из простого соображения: недостаточно, чтобы разоблачения были верны (если они и верны), — надо еще иметь возможность их *доказать*. Я и говорил Полякову и Цвибаку, что они могут печатать только то, что подтверждено цитатами из писаний разоблачаемых лиц. Я и теперь не знаю, разбогатела ли чета Макеевых и продавал ли он *еврейские* картины и продавал ли их *немцам*. Вы, дорогой Самсон Моисе-

евич, по-видимому, в этом убеждены, но Вы приводите только косвенные и не на 100 процентов убедительные доказательства. Доказать же это в государственном суде невозможно, а на суде чести — трудно. Поэтому, по моему, они <одно слово нрзб.> о Б<ерберо>вой печатать не должны были: она ведь ничего в пору оккупации не напечатала. Достаточно было просто прекратить с ней отношения, что я и сделал. Я мог убедить их выпустить лишь очень немного. Большую часть они напечатали. Напечатали, к большому моему сожалению, и о «фон Макеев», а это (если это и верно — в чем я *сомневаюсь*) тоже доказать нельзя: «где эта карточка»? Теперь и Вы, дорогой Марк Вениаминович, кажется, с этим согласны? Между тем Вы, в отличие от меня, тогда одобряли и приветствовали все его разоблачения. А ведь и тогда было ясно, что доказать все это почти невымыслимо.

Итак я Полонскому письма Б<ерберо>вой не послал. Но А.А.Поляков, получивший копию ее письма, прочел его Цвибаку, который Якова Борисовича о нем подробно осведомил, причем зачем-то добавил, что я боюсь его «огорчить» присылкой этого письма. На это Яков Борисович ответил прилагаемой при сем (прошу вернуть) припиской к письму ко мне⁵¹ и длинным письмом к Полякову и Цвибаку. Последнего письма я не читал, но Цвибак сегодня как раз сказал мне по телефону, что оно его вполне убедило и что для него «вопрос о Б<ерберо>вой теперь совершенно ясен». Надо однако, чтобы это было ясно не только ему, но и суду (лично я впрочем склонен думать, что она к суду НЕ обратится, — об адвокате только так пишется). Как Вы догадываетесь, в субъективной правдивости Якова Борисовича я ни на минуту не сомневался и не сомневаюсь. Б<ерберо>ва пишет, что им руководила «жалузи»! Это очень забавно: почему «жалузи» сосредоточилась именно на ней?! Он очень честный и порядочный человек, но слишком темпераментный, увлекающийся и раздражительный. Вдобавок, он очень много пережил ужасов в эти годы (Б<ерберова> пытается тут сказать о нем, а заодно о Ляле (!) что-то весьма пренебрежительное, но я знаю, что он изготавливал фальшивые паспорта. Что делал в «Резистанс» Н.М<акеев> — мне неизвестно; об этом она скромно не сообщает). Но дело, повторяю, и не в субъективной правдивости его, и даже не в объективной верности его разоблачений, а в возможности их *доказать*.

Вы, Марк Вениаминович, находите письмо Б<ереберо>вой «очень умно составленным»! Я прямо противоположного мнения (и очень удивлен: считал, что она поведет себя умнее). Не говорю уже о признаваемой Вами редкой глупости мотивировки ее ориентации и о противоречиях, — три месяца, год, два года, — не говорю и о ссылке на авторитет «друга Блока», — писавшего у Гестапули⁵² (так в Париже называют Деспотули⁵³). Но, конечно, она уж должна была для самозащиты отрицать *все*: «отроду не была за «кооперацию», все гнусная клевета!» Вместо этого она, как Вы оба совершенно правильно пишете, «созналась» (так это поняли и некоторые другие из читавших копию ее письма, с кем я говорил на днях при встрече у Марьи Самойловны <Цетлиной>), — созналась в том, что держалась немецкой ориентации (после чего шли ценные мысли о «шкурниках», «эписье» и «бифштексах»!!!). Ведь Александр Федорович <Керенский> здесь говорил, что она отроду за немцев не была. Я в мыслях не имею писать ему об этом, но что он мог бы сказать теперь?

Вы оба, как мне показалось, думаете, что я должен после получения этого письма что-то сделать. Я ничего делать не собираюсь. Ее грубая брань по поводу Полонских, разумеется, лишает меня возможности ей ответить. Если бы брани не было, я вежливо ответил бы ей (как уже ответил в аналогичном случае другому писателю), что я советую ей устроить в Париже суд чести и что до решения такого суда я ровно ничего сделать не могу, — «с совершенным почтением» такой-то. Мне именно и неприятно, что я ответить не могу. Вместо этого я написал Зайцеву. Не помню, известно ли Вам, что Зайцев мне весной этого года написал письмо с вялой защитой Б<ерберо>вой от того, что о ней говорят в Париже и пишут в письмах в Нью-Йорк. Я ему тогда же ответил, что исхожу не из писем о ней, а из ее собственных писем, которые она писала после падения Парижа. Из адресатов этих писем я назвал только скончавшегося Руднева; Бунина и Адамовича (о письмах к которым Б<ерберо>вой рассказывал здесь не Цвибак, а Яновский⁵⁴) я не назвал. Добавил, что ни в чем другом я ее никогда не «обвинял». И действительно меня может интересовать только вопрос о ее идейной ориентации, — богатство, особняк, если это и правда, не очень важны для политического суждения. В том же, что она печаталась в русско-немецких изданиях, ее здесь *никто* не обвинял, не обвинял и Полонский и другие о ней писавшие (не мне): этого не было. Летом мне о ней же написал Рысс. Он прямо говорил, что она действительно в 1940 году надеялась, что «Гитлер освободит Россию» (заметьте кстати: она пишет, что дело было в том, что Гитлер был в союзе с Россией). Однако, добавлял Рысс, это продолжалось у нее недолго, и она в русско-немецких изданиях не печаталась. Я ему ответил то же самое, что и Зайцеву, и опять сослался не на слухи (как она пишет), а на те же ее письма. И Зайцев, и Рысс показали ей мои ответы. Может быть, впрочем, не показали, а только прочли, потому что она в своем письме их совершенно искажает и приписывает мне то, чего я никогда не говорил и не мог сказать. Это тоже мне крайне неприятно: ее письмо получили шесть человек, и каждый, вероятно, поделился с другими, — не могу же я каждому объяснять, что не говорил приписываемого ею мне, и что ни малейшего противоречия в моих письмах Зайцеву и Рыссу не было, и что я ни слова о Цвибаке не писал! Поскольку дело идет лично обо мне, «оклеветанная» сторона я, а не она. Однако это все было давно (т.е. мои *ответные* письма Зайцеву и Рыссу; никому другому я о ней не писал). Теперь по получении ее письма я снова написал Борису Константиновичу <Зайцеву>. Сказал ему, что ей ответить не могу из-за грубой брани по адресу Полонского. Привел цитату о «кооперации» (отмеченную мною на ее письме красным карандашом) и снова добавил, что я *ни в чем другом* ее не «обвинял», а с меня и этого совершенно достаточно: нам с ней разговаривать больше не о чем. Я уже получил от Зайцева ответ. Он признает, что я прав, — что ее «мотивировка ориентации» крайне неудачна, но пишет, что по существу она никогда делам нацистов не сочувствовала и что она хороший человек. Конечно, он прочел ей мое письмо. Больше я ничего делать не собираюсь. Бог с ней. Если будет суд или суд чести, — увидим, что он скажет. Зачем же мне писать Альперину⁵⁵ или кому бы то ни было? Что бы он ни ответил, мое отношение к Б<ерберо>вой измениться не может, так как оно основано *исключительно* на ее письмах к Бунину, Адамовичу и Рудневу, теперь расшифрованных ею самою в письме ко мне. Ни в какой «кампании» против

нее я не участвовал и участвовать не буду (да и никому не стоит вести против нее «кампанию»). А в «Новый журнал» мы ее не звали, и Михаил Михайлович <Карпович> наверное и впредь не позовет⁵⁶, хотя бы уже потому, что ушли бы многие сотрудники, если не все (Вы первые?). Личные отношения, прежде, до войны, очень добрые, у нас с ней кончены. Не говорю навсегда, так как «навсегда ничего не бывает»: вероятно, со временем будет амнистия всем, всем, всем, — ведь и самые худшие не Геринги и не Штрайхеры⁵⁷, а уж столько людей и мы с Вами амнистировали за 30 лет. Не говорите «парле пур ву»⁵⁸: верно и Вы тоже. Но это все дело будущего.

Вы, М<арк> В<ениаминович>, думаете, что мне еще меньше захочется ехать в Париж из-за Берберовой. Это преувеличение. Я в Париже *хочу* увидеть человек пять, *согласен* увидеть человек двадцать пять, а за этими тридцатью следуют тысячи или по крайней мере сотни людей, с которыми я надеюсь не встречаться. Гораздо больше способствует малой охоте ехать туда образовавшееся там правительство. Нам пишут, что ГПУ все еще делает в Париже все, что хочет.

Баронесса Менаше — наша давняя знакомая. Она была в особенной дружбе именно с моим покойным братом. Знала также Марголиных. Берберова, насколько мне известно, даже не была с ней знакома. Вероятно, эта богатая и милая дама спросила Олю Марголину, каков адрес больницы брата, а Оля спросила Берберову, как можно послать деньги. Только к этому могла сводиться ее «протекция» в данном случае.

Еще раз очень Вас обоих благодарю.

Обе Ваши рецензии, М<арк> В<ениаминович>, поспели вовремя и вошли в 11-ую книгу⁵⁹. Она уже печатается. Должна была печататься давно, но из-за кончины Мих. Осиповича <Цетлина> надо было отложить: мы могли еще вставить короткий некролог. Корректуру всей публицистики, после авторской правки, прочел Михаил Михайлович <Карпович>. В Вашей статье он обнаружил одну пропущенную строчку, которую и вставил.

Визы мы еще не имеем. Но Сюртэ Женераль⁶⁰ уже дала благоприятный отзыв и мы надеемся скоро визу получить, после чего надо хлопотать о ризэнтри⁶¹. Если не дадут, я не поеду. Мне в нынешней Франции с той ее атмосферой, которую Вы, дорогой С<амсон> М<оисеевич>, правильно называете жеманфишистским амикошонством⁶², делать решительно нечего.

Мы шлем Вам и супругам самый сердечный привет.

Ваш М.Ландау

Все это письмо *конфиденциально*.

Буду Вам очень благодарен, если Вы уточните то, что Вам написала Кускова: *чем* Мак<еев> произвел на нее отталкивающее впечатление?

5

М. А. Алданов — М. В. Вишняку

19 января 1947

Дорогой Марк Вениаминович.

Получил Ваше письмо, нахожусь, как видите, в Ницце. Мы оба очень сожалеем, что М<ария> Абр<амовна> все чувствует себя не очень хорошо. Не думаете ли Вы, что ей теперь, когда есть возможность, следовало

бы уехать хоть на месяц в санаторию? При ее болезни отдых и воздух делают чудеса.

По-видимому, Вас потрясло мое «лобызанье» с Одинцом⁶³?!! В чем дело? Вы и прежде знали, что я *в меру возможного* отделяю политическое от личного. Вы от меня слышали, как весело (единственный раз на моей памяти) хохотал покойный Павел Николаевич <Милюков>, когда я его спросил по поручению А. — «подаст ли он ему руку»: «М.А., кому я только не подавал и не подаю руки!» Разумеется, П.Н. был совершенно прав (повторяю, «в пределах возможного»). Подавание руки ровно ни к чему не обязывает и ничего не означает. Так думаю ведь не только я. Разве Николаевский⁶⁴ не подавал руки Бухарину⁶⁵ или ген<ералу> Герасимову⁶⁶, за которыми все же значились не такие *дела*, как за Одинцом? А все французские политические деятели? А недавний завтрак Блюма⁶⁷ (министры обязаны вести переговоры и т.д., но *з а в т р а к обязанностью* считаться не может). Я Одинца знаю 30 лет, состоял с ним чуть не все это время в комитетах нашей партии, — и «не подать ему руки» уже никак не мог бы. Добавлю, что он не «продался»: лечащий его д-р Карасик говорил мне, что Одинец живет впроголодь: он в «С<оветском> Патр<иоте>»⁶⁸ получает шесть тысяч франков в месяц. И он тяжело больной человек. Не совсем понимаю, *почему* Вы его противопоставляете Берберовой. Если Вы хотели сказать, что с него, как с образованного политика, требуется больше, я с Вами согласен. Но, быть может, и Вы считаете, что люди, сочувствовавшие немцам, лучше большевизанов (кажется, такова последняя мода?); тогда это для меня неожиданно и тогда должен бы удивляться я: прежде мы смотрели на дело не так. Впрочем, должен Вам сказать, что месяца два тому назад я в холле гостиницы случайно встретился с Берберовой. Она подошла ко мне: «Марк Александрович, здравствуйте», — хотя я не ответил на два ее письма: не мог ответить из-за брани по адресу членов моей семьи. Я «корректно» поговорил с ней с минуту и считаю, что так и должен был поступить. Совершенно другое дело — какие-либо общественные выступления, хотя бы самые невинные. Недавно в Париже был завтрак с речами в честь Бунина, по случаю выхода «Темных аллея». Несмотря на свою тесную дружбу с Иваном Алексеевичем, я на завтрак не пошел, потому что там были все, все, все — в трогательном единении. Не пойду по той же причине на вечер Зеелер-Зайцевского⁶⁹ союза в память Блока: там будут тоже говорить все, все, все. Это не совсем «общественное выступление», но я предпочитаю держаться в стороне. В частных же домах я встречал и б<ывших> сотрудников «Парижского Вестника»⁷⁰, и нынешних сотрудников обеих газет⁷¹ (одна лучше другой), — и не только здоровался, но и холодно-корректно разговаривал — не о политике. Должен еще добавить следующее. Вы подумываете о поездке в Париж. Если Вы едете с намерением «не подавать руки», то имейте в виду заранее, что в русской колонии (*говорю преимущественно о пишущих людях и примыкающих к ним*) Вы сможете «подавать руку» человекам двадцати. Так много здесь людей, сочувствовавших прежде немцам, и так много сочувствующих теперь большевикам. Иногда это одни и те же люди.

Может быть, я немного сгущаю краски: не двадцати, а ста, — я не считал. Но моральная атмосфера русской колонии в Париже тяжела. Думаю, что над прошлым скоро поставят крест, так как другого выхода и нет. Так сделали и французы. Что до настоящего, то от него можно жить в сторо-

не. Так, напр., Аминадо вообще никого не видит. Когда Надежда Михайловна⁷² ему говорит: «Ты знаешь, я сегодня встретила...», он прерывает ее, не дослушав: «Ты никого не встретила!» Это уже крайность. Однако заниматься здесь общественной работой мне было бы крайне тяжело.

<...>

6

Н. Н. Берберова — М. В. Вишняку

13 ноября 1965

Princeton University, Princeton, New Jersey
Slavic Languages and Literatures

Дорогой Марк Веняминович,

Два месяца тому назад Вы учинили мне допрос (не как «жандарм», а как судебный следователь), и я с готовностью отвечала Вам на Ваши вопросы. Теперь Вы говорите, что забыли один из моих ответов (что доказывает мне, что у Вас нет «дела Берберовой»). Я вчера тоже забыла, в чем было дело четверть века тому назад — но смутно помнила, что было какое-то «дело». Сегодня, выпавшись, поискала в письмах Бунина ко мне и нашла документы, кот<орые> Вам будут интересны.

Сразу после войны мадам Прегель (кажется, она приходится сестрой тому Прегелю⁷³, которого допрашивала несколько раз Комиссия анти-американск<их> действий⁷⁴ и который был другом Зензинова) приехала в Париж и объявила, что Бунин ей сказал, что я звала его в 1940 году приехать в Париж и издаваться у немцев. Я была в переписке с Буниным, кот<орый> жил в Грассе, и сейчас же запросила его об этом. Он ответил мне письмом от 2 февраля 1945 г., которое начинается: «Нина Николаевна, за все те годы, что я сижу здесь, с начала июня 1940 года, я *никогда* и *никому* не сказал о Вас ни *единого плохого слова*...» В этом письме он пишет, что обижен на меня и не может понять, как я могла заподозрить его в такой низости? Я, видимо (копии нет), объяснила ему, почему я заподозрила его, и он ответил более «мирным» письмом от 17 февраля 1945 г., кот<орое> начинается тоже холодно, но все-таки кончается мягче: «Все-таки не понимаю, Нина Николаевна, даже и теперь, получивши Ваше письмо от 7 февраля, не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог...» и т.д. Не посылаю Вам фотокopies потому, что не вижу в Вас «жандарма», а только следователя.

Теперь о другом. При встрече я попрошу Вас — как награду за вышецитированные интересные для Вас документы, — объяснить мне следующий «юридический» казус:

Икс пишет письма Игреку после 2, или 4, или 6 мес<яцев> немецкой оккупации из Парижа на юг: приезжайте, здесь, вероятно, можно будет печататься. Икс знает, что Игреку живется скверно — и материально и морально — на юге. У Икса есть дом в деревне, и он может приютить Игрека и о нем заботиться (впоследствии — судя по письмам — Игрек намеревался приехать и жить у Икса в 1947—48 гг.). Затем Икс замолчал об этом. Сам пять или шесть лет не печатался нигде и, конечно, увидел, что печататься и негде. Прошло 25 лет, и эту ошибку Икса, кот<орая> могла быть

сделана по причине наивности, глупости, оптимизма, а также отвращения к тому, что произошло, продолжают судить, как криминал. Вся Франция — левая, как и правая, во время немецкой оккупации печаталась, издавалась, получала лит<ературные> премии и т.д. Триоле получила Гонкуровскую премию⁷⁵, Сартра пьесы ставились непрерывно в театрах...⁷⁶ В чем здесь дело? Не объясните ли мне корень этой проблемы? Буду искренне признательна.

Надеюсь, Вы не поймете вышесказанное как мое признание зазывания Бунина в оккупированный Париж? Я — не Икс и он не Игрек. Вопрос мой совершенно абстрактен, но я горю узнать Ваш ответ на него. А также: как Вы относитесь к Триоле, Сартру, Жиду⁷⁷ и другим? Как Вы относились бы ко мне, если бы мне дали в 1942 году Гонкуровскую премию? Как, если бы моя пьеса шла в Париже в 1943 году? И как, если бы меня взяли в плен в июне 1940 года немцы, а затем, через полгода, выпустили бы с почетом и привезли в Париж (как Сартра)?

Я забыла Вас спросить вчера, знаете ли Вы, что в «Новом мире» кн. 7 напечатаны воспоминания некоего Бережкова⁷⁸, сов<етского> дипломата, о его работе в сов<етском> посольстве в Берлине в 1940—41 гг.? Чрезвычайно интересно, как они посылали немцам вооружение для войны с Францией и Англией! Прочтите, если не читали.

Я буду Вам звонить, как обещала. Пока до свиданья и привет.

Н. Берберова

7

М. В. Вишняк — Н. Н. Берберовой

Нью-Йорк, 17.XI.<19>65

Дорогая Нина Николаевна!

Ваше письмо меня очень огорчило. И не потому только, что оно пропитано недобрым чувством ко мне («учинили допрос», «не как жандарм» и т.п.), которое, по-моему, никак не оправдано, — но и потому, что и Вы, видимо, тоже очень огорчились — да так, что даже осерчали — и также совершенно зря, как я постараюсь показать ниже.

Надо ли доказывать, что я никак не хотел Вас огорчать и тем менее вызвать Ваш гнев?! Меня удивило, как Вы, подчеркивающая, что Вы чужды 19-му веку, а связаны с новыми веяниями, как могли Вы *психологически* допустить такую ошибку, что защитника приняли за «следователя»? — Поясню, что я под этим разумею.

Пересуды, как Вы знаете, весьма живучи. И «дурная пресса», которая возникла вокруг Вас в половине 40-ых годов, держится и по сей день в Нью-Йорке. И если прежде я был пассивен в опровержении этих пересудов, после наших разговоров на «Франс» мое отношение изменилось: когда, рассказывая о путешествии и встрече с Вами, я наталкивался на эти пересуды, я решительно опровергал их, — не делаясь, конечно, всеми под-

робностями сообщенного Вами о Вад<име> Викт<оровиче> <Руднев>, мною полностью усвоенного.

То же, что Вы рассказали о Бунине, я попросту запомнил. Отсюда и вопрос, обращенный к Вам повторно, когда Вы были у меня, — конечно, не для расследования «дела Берберовой», а для собственного осведомления непрошеного защитника. Тут же замечу, что Бунин, которого я невысоко расценивал как человека, — не много стоит в моих глазах и как свидетель. Для такого утверждения у меня имеются достоверные и для меня убедительные факты, — не касающиеся меня лично. Поэтому Вашему устному слову я верю больше, чем цитате из написанного рукой Бунина — не художника, а свидетеля.

Теперь о давности: «прошло 25 лет» и т.д.

Давность, конечно, общепризнанное и гуманное начало: истечение времени погашает любой криминал. Но уголовное преследование и уголовная кара — и суровее, и мягче морального суждения и осуждения, личного и общественного. Неправильно думать, что раз «даже» уголовный закон готов забыть любое правонарушение после истечения известного срока, то «тем более» обязано к тому моральное осуждение.

С моральной точки зрения и возможно, и должно не забывать и добро, и зло, личное и общественное. Никакие сроки не могут погасить преступлений Ленина и Сталина и других (брест-литовский мир или соглашение Риббентропа—Молотова), как не может быть погашено то, о чем поведал миру дневник П.Н.Милюкова за 1918 г., — как я ни чтил, даже любил и ни был с ним связан в 1938—39 гг.⁷⁹

Чтобы мог возникнуть вопрос о моральном погашении личного или общественного проступка, необходимо прежде всего, чтобы свершивший его признался в том, а не, как обычно, умалчивал о том, что было в прошлом, когда он был моложе, менее опытен, наивнее и т.д.

В заключение — о Ваших ребусах Икс, Игрек, вопросах о Триолэ, Сартре, Жиде и других и моих ответах на эти вопросы, которые Вы «горите узнать». Ответы будут, конечно, отрицательные. Мотивировку же, если она действительно Вас интересует, разрешите отложить до личного свидания. Скажу только, что Триолэ и особенно Сартр и даже Жид никогда не были моими героями, а первые двое чем дальше, тем все сильнее возбуждали чувство отталкивания.

С пожеланием всего доброго и в ожидании «звонка», огорченный М.Вишняк

8

Н. Н. Б е р б е р о в а — М. В. В и ш н я к у

Princeton University, Princeton,
New Jersey, Slavic Language and Literatures

19 ноября 1965

Дорогой Марк Веняминович,
Прежде чем ответить на Ваше письмо, сообщу Вам сенсационную новость: только что в Москве вышла книга Льва Никулина, составленная по доку-

ментам архивов — о советской разведке в делах русских монархистов эмиграции (20-ых годов), о деле *Савинкова* и др.⁸⁰ Прочтите немедленно.

Теперь отвечу «по пунктам»:

1. Не хочу Вас обижать, но не могу перевести Вас из следователей в защитники: *защитник мне не нужен*. Мне и 25 лет тому назад он не был нужен, а теперь и подавно. В чем меня защищать? От кого? Никогда в жизни не искала защитников.

2. Вопрос мой в конце письма о Триоле и Сартре остался Вами не отвеченным. Между тем, если Вам безразличны их поступки, то тем самым должны быть безразличны и мои — в коих нет даже доли того элемента, кот<орый> есть у них. Если же Вы осуждаете их, то Вам необходимо пересмотреть Ваше отношение, потому что оно и *нелепо*, и *нелогично*: «правый социалист» и эмигрант не может быть «плю резистан ке ле резистант»⁸¹.

3. Я теперь, в свете того, что произошло с Буниным, *жалею*, что не вызвала его — не в 40-ом году, а в 43-ем — в Лонгшен (где у меня был дом), когда две зоны Франции слились: он бы не страдал так от голода, холода, одиночества, отсутствия хороших докторов и жизни между подлецом (Зуровым)⁸² и душой (В.Н.)⁸³. В его письмах 44 года он просит позволения приехать. А в 45-ом это было уже поздно: Ступницкий⁸⁴ свел его с Богомоловым⁸⁵, Маковский⁸⁶ помог. А внутри Бунина все уже шло к концу.

4. У меня есть друзья, бывшие коммунисты и троцкисты (Суварин⁸⁷, Кестлер⁸⁸ и др.). Примиритесь с тем, что у Вас есть знакомая, которая, хотя и не состояла в нацистской партии, не работала в гестапо и, как выяснил Аронсон⁸⁹, не печаталась при немцах в Париже, одно короткое время имела иллюзии, что Сталину будет плохо от немецкого вторжения. Но ему стало еще лучше, чем было.

Теперь, я думаю, можно закончить этот диалог. Просьба: не слишком много рассказывать Вашим друзьям (которые мне приходится клеветниками) о моих нынешних успехах: они причастны к тем анонимным письмам (или их жены), которые пишутся обо мне.

Жму Вашу руку.

Н.Берберова

П р и м е ч а н и я

- 1 Зензинов Владимир Михайлович (1880—1953) — член ЦК партии эсеров, публицист; в эмиграции с 1919 г. во Франции, с 1939 г. — в США.
- 2 Федотов Георгий Петрович (1886—1951) — философ, историк и публицист, много печатался в «Современных записках» и «Новом журнале». В эмиграции с 1925 г. во Франции, с 1941 — в США.
- 3 Прегель Софья Юльевна (1897—1972) — поэтесса, прозаик, издательница, «директриса литературы эмигрантской» (Г.В.Адамович). С 1922 г. жила в Берлине, с 1932 — в Париже, с 1940 — в США. В 1942—1950 издатель и редактор журнала «Новоселье». В 1948 вернулась в Париж.
- 4 Карпович Михаил Михайлович (1888—1959) — историк, профессор Гарвардского университета. За границу выехал в 1917 г. в качестве секретаря посла Временного правительства в США Б.А.Бахметева. С 1943 соредактор, в 1945—1959 — главный редактор «Нового журнала».

- 5 Цетлин (лит. псевд. — Амари) Михаил Осипович (1882—1945) — поэт, прозаик, литературный критик. С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1940 — в США. В 1920—1940 — редактор отдела поэзии «Современных записок»; один из основателей «Нового журнала» и его редактор в 1942—1945 гг.
- 6 Поляков Александр Абрамович (1879—1971) — журналист. В эмиграции с 1920 г., с 1922 — в Париже, с 1942 — в США. Секретарь редакции, затем заместитель главного редактора газеты «Последние новости» (Париж), сотрудник редакции газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).
- 7 Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — прозаик, один из наиболее известных писателей эмиграции. В 1922 г. выехал в Германию, с 1923 г. жил в Париже. С 1945 г. председатель Союза русских писателей и журналистов.
- 8 Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — адвокат, видный деятель партии кадетов, депутат 2—4 Государственных Дум. В 1917—1924 — российский посол во Франции (назначен Временным правительством), в 1924—1942 и 1944—1957 — глава Офиса по делам русских беженцев при французском министерстве иностранных дел и председатель Эмигрантского комитета. В эмиграции опубликовал четыре книги мемуаров, многочисленные исторические и публицистические статьи. В годы Второй мировой войны занял патриотическую позицию, активно противодействовал влиянию пронацистских сил на эмиграцию. В 1942 г. арестовывался гестапо; после освобождения был вынужден на некоторое время покинуть Париж. В 1944—1945 выступил за сближение эмиграции с Советской Россией. 12 февраля 1945 г. во главе группы эмигрантов посетил советское посольство по приглашению посла А.Е.Богомолова, где выступил с речью, обосновывающей новое отношение эмиграции к советской власти, признание ее национальной властью. В то же время подчеркнул, что эмиграция от своего прошлого не отказывается. Убедившись, что предполагаемой «эволюции» советской власти не произошло, отказался от дальнейших шагов, направленных на «примирение» с ней. Берберова оставила крайне недоброжелательный «портрет» Маклакова в своей книге «Люди и ложи». Любопытно, что в ней она утверждает, что разорвала с ним всякие отношения и прекратила бывать у него после «хождения» Маклакова в советское посольство (*Берберова Н. Люди и ложи. Харьков; М., 1997. С. 323, прим. 9*), между тем из настоящего письма отчетливо видно, что «разрыва отношений» не было по крайней мере полгода спустя после маклаковского «визита».
- 9 Керенский Александр Федорович (1881—1970) — адвокат, эсер, министр юстиции в первом составе Временного правительства, затем военный министр и министр-председатель. С 1919 г. — во Франции, в начале 1920-х гг. — в Германии, с 1924 г. вновь во Франции, с 1940 г. — в США. В эмиграции продолжал активно заниматься политической деятельностью, был редактором ряда периодических изданий, много печатался.
- 10 Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — «последний классик» русской литературы, лауреат Нобелевской премии (1933). В эмиграции с 1920 г. во Франции.
- 11 Рысс Петр Яковлевич (1870—1948) — член партии кадетов, публицист. С 1919 г. в Берлине, с 1920 г. — в Париже.
- 12 Руднев Вадим Викторович (1879—1940) — член ЦК партии эсеров, публицист; в 1917 г. — московский гордской голова. С 1919 г. — в Париже, один из основателей и редакторов журнала «Современные записки»; Руднева Вера Ивановна — его жена.
- 13 Цвибак (лит. псевд. Андрей Седых) Яков Моисеевич (1902—1994) — публицист и мемуарист. В эмиграции с 1919 г. в Константинополе, с 1920 — в Париже, с 1942 — в США. Сотрудник «Последних новостей», в США — «Нового русского слова», главным редактором которого стал в 1973 г.
- 14 Макеев Николай Васильевич (1889—1975) — художник и публицист, член партии эсеров; депутат Учредительного собрания в 1917 г.; муж Н.Н.Берберовой в 1936—1947 гг.

- 15 Речь идет о Якове Борисовиче Полонском (1892—1951) — публицисте и библиографе, женатом на сестре М.А.Алданова.
- 16 Сухомлин Василий Васильевич (1885—1963) — член ЦК партии эсеров, публицист, эмигрант с дореволюционным стажем. С 1918 г. вновь в эмиграции, жил в Риме, с начала 1920 гг. — в Праге, с 1927 — в Париже. После освобождения Франции примкнул к движению «советских патриотов», в 1951 уехал в Чехословакию, в 1954 репатриировался в СССР.
- 17 «резистанс» (*франц.*) — сопротивление.
- 18 Тургеневская библиотека — существовала с 1875 г. Была основана в значительной степени на средства И.С.Тургенева.
- 19 эписье — бакалейщики (*франц.*).
- 20 Речь идет о финансово-политической афере, в результате которой Александр Стависский (1886—1934), подвизавшийся в качестве эксперта по международным делам и связанный с дипломатическими кругами и полицией, присвоил 650 млн. франков. Стависский после разоблачения по официальной версии покончил жизнь самоубийством, по слухам был убит агентом полиции. «Афера Стависского» потрясла Францию и заставила многих усомниться в эффективности политического устройства «третьей республики».
- 21 Имеется в виду советско-германский пакт о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа), подписанный 23 августа 1939 г. Секретные протоколы к пакту фактически означали заключение союза между двумя странами. Хотя эти протоколы оставались неизвестными до конца войны, когда их копии попали в руки союзников, действия обеих стран — раздел Польши, поставки Советским Союзом стратегического сырья Германии в обмен на немецкое оборудование, а также риторика советских лидеров, обвинявших «англо-французский империализм» в агрессивных действиях, не оставляли сомнения в том, что соглашение двух стран шло гораздо дальше взаимных гарантий безопасности.
- 22 Имеются в виду И.В.Одоевцева и Г.В.Иванов. Одоевцева Ирина Владимировна (1895—1990) — поэтесса, мемуаристка. Жена Г.В.Иванова в 1921—1958. В эмиграции с 1922 г., сначала в Латвии, затем в Германии, с 1923 г. — во Франции; в 1987 г. вернулась в СССР; Иванов Георгий Владимирович (1894—1958) — поэт, мемуарист. С 1922 г. — в Берлине, с 1923 — в Париже.
- 23 Речь идет о Иване Сергеевиче Шмелеве (1873—1950), авторе популярнейшего в эмигрантской среде романа «Няня из Москвы». Шмелев публиковался в пронацистском «Парижском вестнике», а также в русскоязычных газетах, выходивших в Германии.
- 24 Сургучев Илья Дмитриевич (1881—1956) — прозаик и драматург, в эмиграции — с 1920 г. в Константинополе, в 1921-м, после недолгого пребывания в Праге, переехал в Париж. В период оккупации глава пронацистского союза писателей, печатался в «Парижском вестнике» и берлинском «Новом слове».
- 25 Червинская Лидия Давыдовна (1906—1988) — поэтесса. За границу выехала в 1920 г. вместе с родителями. С 1922 г. — в Париже.
- 26 Марголина-Ходасевич Ольга Борисовна (1890—1942) — жена В.Ф.Ходасевича в 1933—1939. Погибла в нацистском концлагере.
- 27 Марианна — старшая сестра О.Б.Марголиной-Ходасевич.
- 28 Берлин Павел Абрамович (1877—1962) — публицист и историк, в эмиграции — во Франции.
- 29 Кремер Иза (1885 или 1890—1965) — эстрадная певица, пела на идиш, русском, польском и немецком языках. С 1922 г. в США, откуда неоднократно приезжала на гастроли в Европу.

- 30 Адамович Георгий Викторович (1894—1972) — литературный критик и поэт. В эмиграции с 1922 г. в Берлине, с 1923 — в Париже.
- 31 Тэффи (псевд., девичья фамилия Лохвицкая, в замужестве Бучинская) Надежда Александровна (1872—1952) — писательница-юмористка. В эмиграции во Франции с 1919 г. Жила в Париже.
- 32 Зайцева Вера Алексеевна — жена Б.К.Зайцева.
- 33 Кобяков Дмитрий Юрьевич (1902—1977) — поэт. В эмиграции с 1920 г. После 1945 г. вступил во французскую компартию и в Союз советских патриотов. Редактировал сатирический журнал «Честный слон» (1945) и литературный журнал «Новая земля» (1946). В 1948 г. получил советский паспорт, однако только в 1957 г. переехал в ГДР, а оттуда — в Советский Союз, где поселился (или был «поселен») в Барнауле.
- 34 Мережковские: Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — прозаик, поэт, публицист, и его жена Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945) — поэтесса, прозаик и литературный критик. В эмиграции в 1919—1920 гг. в Польше, с 1920 г. в Париже. В 1926 г. организовали в Париже литературно-философский салон «Зеленая лампа». Увлекались сначала итальянским фашизмом и его лидером Муссолини, при встрече с которым Мережковский сравнил его с Данте. Приветствовали нацистов, полагая, что Гитлер сможет освободить Россию от большевизма.
- 35 Мамченко Виктор Андреевич (1901—1982) — поэт и журналист. В эмиграции с 1920 г. в Тунисе, с 1923 — в Париже.
- 36 Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. В эмиграции в 1921—1923 гг. в Берлине, с 1923 — в Париже.
- 37 Речь идет о Разумнике Васильевиче Иванове (лит. псевд. Иванов-Разумник) (1878—1946), историке литературы, литературном критике, публицисте. По партийной принадлежности Иванов-Разумник был левым эсером. В 1933—1936 — в ссылке, в 1937—1939 — находился под арестом. В сентябре 1941 г. оказался на оккупированной территории, в г. Пушкине под Ленинградом. В марте 1942 г. был вывезен в Германию (его жена, урожд. Оттенберг, была по происхождению немкой) и помещен в лагерь для рабочих с Востока в Конице, близ Дрездена. Иванов-Разумник дал объявление в берлинскую газету «Новое слово» с просьбой откликнуться своих друзей и знакомых. Первой отозвалась Берберова, писавшая ему 30 апреля 1942 г.: «Вы ли это, автор статьи о «Двенадцати» и «Скифах», друг Белого и Блока, сотрудник Вольфины?». — См. подробнее: Шерон Ж. Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 44—54.
- 38 Корсак (наст. фам. — Завадский) Вениамин Валерианович (1884—1944) — прозаик и поэт, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Египте, с 1922 г. — в Париже.
- 39 жалузи (jalousie) — ревность, зависть (франц.).
- 40 Элькин Борис Исаакович (1887—1972) — юрист, публицист, издатель. В эмиграции — в Англии.
- 41 Цетлина (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882—1976) — жена М.О.Цетлина, была одним из инициаторов издания «Нового журнала», поначалу выполняла функции его администратора и секретаря.
- 42 Соловейчик Самсон Моисеевич (1889—?) — член партии эсеров, публицист. Был помощником А.Ф.Керенского по редактированию газеты «Дни» во второй половине 1920-х — нач. 1930-х гг. и журнала «Новая Россия» (1936—1940) в Париже. С начала 1940-х гг. жил в США. С 1946 г. профессор Канзасского университета. По словам Вишняка, его бывший приятель, ставший профессором-эмеритус (заслуженным профессором) того же университета, «не написал даже брошюры ни на одном языке. Потом увлекся Советами, неоднократно ездил ту-

да, восхвалял там ставшее и более чем критически относясь к здесь сущему» (Вишняк М.В. — Пахмусс Т.А., 9 декабря 1968 // Архив Гуверовского института. Коллекция М.В.Вишняка. Кор. 6-С.).

- 43 Письмо С.М.Соловейчика к М.А.Алданову от 21 ноября 1945 г. находится среди бумаг последнего в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Подробный разбор письма Берберовой состоял из восьми пунктов. Приведу наиболее выразительные из них: «1) Письмо Берберовой заключает в себе *признание* двух основных фактов, о которых, насколько мне известно, шла речь. Это, во-первых, *прогитлеровская позиция*, занятая Берберовой и занимавшаяся ею не то три месяца, не то год... 3) *Второе признание касается профессии, выбранной Макеевым в годы оккупации...* 4) Оказывается, не только она, но и Н.В.М<акеев>, торгуя картинами, тоже *«ни с одним немцем дела не имел»*. Кому же он продавал картины? Чехам, китайцам, русским? И «за кого же она держит», как говорил один весьма почтенный, но не совсем твердый в русском языке адвокат, читателей своих циркулярных показаний? <...> 7) Неясно также, почему Берберова сейчас живет в Париже, «как в маки». *Что им угрожает?* Дело тут не в «непримиримости» — вот ведь Мельгунов живет же «не как в маки»... Почему «маки», если их поведение во время оккупации ничем не отличалось от поведения Погосьяна, Роговского и сотен других. Ведь Н.В.М., оказывается, даже был участником «резистанс» (когда? До 1942 года, когда он безвылазно сидел в деревне, или после 1942 года, когда он начал торговать картинами?). Чего же им бояться? Должен, кстати, сказать, что самое гнусное впечатление (в письме, посланном даже не Вам лично, а для всеобщего сведения) на меня произвело даже не упоминание о том, что какая-то баронесса, по просьбе Берберовой, оказывала денежную помощь Вашему брату, а декламация о вечной «непримиримости». О какой «непримиримости» смеет говорить человек, стоявший за «кооперацию» с Гитлером? 8) *Вывод*: Берберова, пока была надежда на победу немцев, была за «кооперацию» с Германией и гитлеровский «новый порядок» (без «грубого материализма»), а Макеев и после этого продолжал торговать картинами, единственными покупателями которых, по доходившим сюда сведениям, были немцы. *Все остальное — заматание следов*, притом сделанное так, чтобы Вы не могли ответить (поэтому столько ругани). *Цель: добиться хотя бы от одного из адресатов ответа с выражением сочувствия невинно оклеветанной жертве, пострадавшей за “непримиримость” <...>*» (M.Aldanov Collection, box 10, Rare Book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture, Columbia University). В письме Соловейчика упоминаются историк и публицист Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956), занимавший непримиримо антисоветские позиции, что было небезопасно в условиях активной деятельности советских спецслужб в послевоенной Франции, а также участники антифашистской «группы Маклакова» М.М.Гер-Погосян и Е.Ф.Роговский.
- 44 Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — поэт и литературный критик, в гражданском браке муж Н.Н.Берберовой в 1922—1932 гг.
- 45 Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — социал-демократка, затем сблизившаяся с либералами, деятельница кооперативного движения, публицистка. В 1921 г. была арестована по делу Всероссийского комитета помощи голодающим, в руководство которого она входила, в 1922 выслана за границу. В эмиграции жила в Берлине (1922—1924), Праге (1924—1939), с 1939 г. — в Швейцарии.
- 46 Шполянский (лит. псевд. Дон-Аминадо) Аминад Петрович (1888—1957) — поэт и мемуарист. В эмиграции во Франции с 1920 г.
- 47 Вольский (лит. псевд. Н.Валентинов, Е.Юрьевский и др.) Николай Владиславович (1879—1964) — публицист и мемуарист; социал-демократ (меньшевик) до лета 1917 г. С 1928 г. в Париже, редактировал газету советского торгпредст-

ва на французском языке. В 1930 г. перешел на положение эмигранта. Говоря о «случае с Вольским», Вишняк имел в виду его антисемитские высказывания в годы войны. Б.И.Николаевский распространил письмо к нему П.А.Берлина от 20 мая 1945 г., в котором тот, в частности, рассуждал о воздействии на русских эмигрантов нацистской литературы: «В течение четырех лет изо дня в день читалась только эта литература и если сама по себе она не в состоянии была обратить в свою веру подавляющее большинство русских эмигрантов, то оглуляюще и опошляюще действовала. К чести русской демократической эмиграции лишь немногие единицы подверглись немецкой заразе. Оказался в числе этих немногих, к сожалению, Вольский, который (к счастью, лишь в письмах и разговорах) начал проповедывать необходимость различения «арийской» и «еврейской» политики и сочувствия к первой и борьбы со второй. Доказывал частичную правоту антисемитизма и издевался над «еврейской» борьбой за политическую «швободу» (это слово он иначе, как через «ш» не писал и не произносил), к которой равнодушны «арийские» народы. Но, повторяю, эта проповедь мало кого соблазняла и даже такие терпимые люди, как Церетели, Одинец, Мочульский, не говоря о евреях, прервали с Вольским всякие сношения. Теперь он встряхнулся и как ни в чем не бывало возвращается к старому» (цит. по копии, находящейся в архиве Вишняка в Гуверовском институте, коробка 6-А).

- 48 Имеется в виду Павел Николаевич Милюков (1859—1943) — историк и публицист, лидер партии кадетов, депутат 3—4 Государственных Дум, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. В эмиграции в 1918—1920 гг. в Лондоне, с 1921 — в Париже; редактор наиболее популярной эмигрантской газеты «Последние новости» в 1921—1940 гг.
- 49 Зайцева Татьяна Марковна — жена М.А.Алданова.
- 50 «ай толд йу со» — I told you so — здесь: говорил же я вам (*англ.*).
- 51 «Приписка» Полонского среди бумаг Вишняка мною не обнаружена.
- 52 Речь идет о Р.В.Иванове-Разумнике — см. прим. 37. Иванов-Разумник опубликовал в 1942 г. в берлинской газете «Новое слово» серию статей о «писательских судьбах» в Советской России. Впоследствии статьи были собраны вместе и изданы под названием «Писательские судьбы» (New York, 1951).
- 53 Деспотули В.М. — журналист, главный редактор в 1935—1944 гг. русской берлинской газеты «Новое слово». Газета имела ярко выраженный пронацистский характер.
- 54 Яновский Василий Семенович (1906—1989) — прозаик, литературный критик, мемуарист. С 1922 г. в эмиграции в Польше, с 1926 — в Париже, с 1942 — в США.
- 55 Альперин Абрам Самойлович (1881—195?) — присяжный поверенный, предприниматель в Ростове-на-Дону, член партии народных социалистов, активно участвовал в антибольшевистском движении, был некоторое время начальником отдела пропаганды в казачьем отряде генерала Семилетова. В эмиграции во Франции, работал в еврейских организациях, был одним из инициаторов создания Объединения русско-еврейской интеллигенции в Париже. В период нацистской оккупации находился в заключении в Компьенском лагере. 12 февраля 1945 г. вместе с группой эмигрантов посетил советское посольство. Председатель образованного весной 1945 г. «Объединения для сближения с Советской Россией». Объединение уже год спустя фактически распалось вследствие разочарования его участников в способности советской власти к эволюции.
- 56 Публикация Берберовой в «Новом журнале» появилась уже в 17-й кн. за 1947 г. («Воскрешение Моцарта»).
- 57 Геринг Герман — один из лидеров нацистского «третьего рейха», длительное время занимал второе место в нацистской иерархии; Штрейхер Юлиус — один из ведущих нацистских идеологов.

- 58 «парле пур ву» — говорите за себя (*франц.*).
- 59 Имеется в виду «Новый журнал».
- 60 Сюртэ Женераль — служба безопасности (*франц.*).
- 61 риэнтри — обратный въезд (*англ.*).
- 62 жеманфишистское амикошонство — неразбочивая фамильярность (*искаж. франц.*).
- 63 Одинец Дмитрий Михайлович (1883—1950) — также как и Алданов, член партии народных социалистов, историк и публицист. В эмиграции — профессор Сорбонны и Русского народного университета, в 1925—1940 возглавлял Тургеневскую библиотеку в Париже. После войны примкнул к «советским патриотам», в марте 1948 депортирован в советскую зону оккупации Германии, в 1948—1950 в СССР, где преподавал на историческом факультете Казанского университета.
- 64 Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — социал-демократ, член ЦК партии меньшевиков, историк и архивист, публицист, автор многочисленных исследований по истории русского революционного движения. В 1922 г. выслан из Советской России, в 1922—1933 — в Берлине, 1933—1940 — в Париже, с 1940 г. — в США. Его колоссальная коллекция (811 коробок документов) находится в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета, где Николаевский работал в последние годы своей жизни.
- 65 Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — один из лидеров партии большевиков, неоднократно входил в состав ее ЦК и Политбюро ЦК, был редактором «Правды» и «Известий»; Алданов имеет в виду встречи и беседы Николаевского с Бухариным во время посещения последним Парижа в 1936 г. с целью приобретения архива К.Маркса у германских социал-демократов. См. подробнее: *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993.
- 66 Герасимов Александр Васильевич (1861—?) — в 1905—1909 гг. начальник Петербургского охранного отделения, фактически руководитель политического розыска в стране. Непосредственно курировал знаменитого провокатора Е.Ф.Азефа. В эмиграции — в Германии, где с ним часто общался Николаевский во время работы над книгой об Азефе (История одного предателя. Берлин, 1932). Николаевский побудил Герасимова написать воспоминания, которые сначала вышли в 1934 г. в немецком и французском переводах, а затем, полвека спустя — на языке оригинала: *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. Алданов и сам пользовался, при посредничестве Николаевского, сведениями Герасимова при подготовке своего очерка «Азеф» — см. об этом в нашей публикации: «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М.А.Алданова и Б.И.Николаевского // Источник. 1997. № 2. О «работе» Николаевского с Герасимовым см. также в кн.: История терроризма в России / Авт.-сост. О.В.Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 452.
- 67 Блюм Леон (1872—1950) — французский политический деятель, социалист; неоднократно входил в состав правительства, в том числе в качестве премьер-министра. В годы войны находился в лагере в Германии.
- 68 Газета «Советский патриот», орган советских патриотов, а затем Союза советских граждан во Франции, главным редактором которой был Д.М.Одинец, выходила в Париже с марта 1945 по январь 1948 г.
- 69 Речь идет о Союзе писателей и журналистов в Париже, генеральным секретарем которого был Владимир Феофилович Зеелер (1874—1954) — юрист, общественный деятель и публицист.
- 70 «Парижский вестник» — еженедельная русская газета пронацистского направления, издававшаяся Управлением делами эмиграции во Франции с июня 1942 по август 1944 г. Ред. — П.Н.Богданович.

- 71 Имеются в виду просоветские газеты «Советский патриот» (см. прим. 68) и «Русские новости» (май 1945 — ноябрь 1970). Последняя выходила в 1945—1951 гг. под ред. А.Ф.Ступницкого.
- 72 Н.М.Шполянская, жена Дон-Аминадо.
- 73 Прегель Борис Юльевич (1893—1976) — ученый, физик-ядерщик, композитор и общественный деятель. С 1959 г. — президент Нью-Йоркской академии наук.
- 74 Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, возглавляемая сенатором Ю.Маккарти, действовала в период «охоты за ведьмами» в связи с обострением «холодной войны» в конце 1940-х — начале 1950-х гг.
- 75 Триоле (урожд.Каган) Эльза (1896—1970) — французская писательница. Участвовала в движении Сопротивления. Большой популярностью пользовалась ее повесть «Авиньонские любовники», изданная подпольно в 1943 г. В 1945 ей была присуждена Гонкуровская премия за сборник «За порчу сукна штраф 200 франков».
- 76 Сартр Жан-Поль (1905—1980) — французский писатель и философ. В 1940 г., после разгрома французской армии, попал в лагерь для военнопленных, через год был освобожден по состоянию здоровья. В 1943 в Париже была поставлена его аллегорическая пьеса «Мухи».
- 77 Жид Андре (1869—1951) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947). В начале 1930-х гг. объявил себя противником капитализма и выражал симпатии к социализму. В 1936 г. совершил поездку по Советскому Союзу, после чего выпустил книгу «Возвращение из СССР» (1936), в которой дал критическое изображение советской действительности.
- 78 Бережков Валентин Михайлович — дипломат, впоследствии журналист-международник. С декабря 1940 г. — первый секретарь посольства СССР в Берлине. Мемуары Бережкова «С дипломатической миссией в Берлин», впервые опубликованные в «Новом мире», вскоре вышли отдельным изданием (М., 1966).
- 79 Вишняк имеет в виду часть дневника Милюкова, опубликованную в «Новом журнале» (1961, кн. 66, 1962, кн. 67), где, среди прочего, говорилось о его «немецкой ориентации» в 1918 г., когда Милюков утратил веру в победу союзников и считал необходимым прибегнуть к помощи немцев для ликвидации большевизма. В 1938—1939 гг. Милюков и Вишняк совместно работали в журнале «Русские записки».
- 80 Имеется в виду книга советского писателя Л.В.Никулина «Мертвая зыбь», в которой рассказывалось о знаменитой операции «Трест» — создании чекистами фиктивной антисоветской организации, сумевшей установить связи с эмигрантскими «активистами». Чекистам удалось выманить на территорию СССР и арестовать Б.В.Савинкова. На суде Савинков выступил с заявлением о признании советской власти. Смертная казнь ему была заменена 10-летним тюремным заключением, однако вскоре он покончил жизнь самоубийством. «Дело Савинкова», в котором многое остается неясным до сих пор, в свое время потрясло эмиграцию.
- 81 не может быть «плю резистан ке ле резистант» — более стойким, чем участники сопротивления (*франц.*). Берберова подразумевает, что русский эмигрант не может предъявлять к себе более высокие требования, чем сами французы.
- 82 Зуров Леонид Федорович (1902—1971) — прозаик, публицист. С 1918 г. — в Эстонии, затем в Латвии. Учился в Политехническом институте в Праге. С 1929 г. — во Франции. В 1929—1961 жил (с перерывами) в доме Бунина. После освобождения Франции сотрудничал в «Советском патриоте».
- 83 Имеется в виду Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1881—1961), гражданская жена И.А.Бунина с 1906 г. Официально брак был оформлен в 1922 г.

- 84 Ступницкий Арсений Федорович (1893—1951) — журналист и юрист. С начала 1920-х гг. — в Париже. Сотрудник «Последних новостей», был близок к П.Н.Милюкову. В 1945—1951 гг. — редактор просоветской газеты «Русские новости».
- 85 Богомолов Александр Ефремович (1900—1969) — советский посол во Франции в 1945—1946 гг.
- 86 Маковский Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, литературный критик, искусствовед. В эмиграции с 1920 г. в Праге, с 1926 — в Париже.
- 87 Суварин (Лившиц) Борис Константинович (1895—1984) — французский социалист, публицист. В 1921—1924 — член компартии Франции; был исключен по идеологическим мотивам. Длительное время придерживался троцкистских взглядов. Впоследствии эволюционировал вправо, на протяжении многих лет публиковал критические материалы о политике ВКП(б)-КПСС.
- 88 Кестлер Артур (1905—1983) — английский писатель; писал также на венгерском и немецком языках. Родился в Венгрии, в 1922 переехал в Германию, в 1926—1929 — в Палестине, куда переселился как сионист. С 1929 вновь в Европе. В 1931 вступил в компартию Германии; в 1932—1933 совершил поездку по СССР. В 1936 поехал в Испанию как корреспондент, сражался в Интернациональной бригаде. В 1938 вышел из компартии под влиянием известий о сталинском терроре. В 1939 вступил добровольцем во французскую армию, после ее разгрома бежал в Англию. Всемирную известность Кестлеру принес роман «The darkness at noon» (1940, в рус. пер. «Слепящая тьма»), посвященный психологической подоплеке признаний подсудимых на московских процессах 1936—1938 гг.
- 89 Аронсон Григорий Яковлевич (1887—1968) — социал-демократ (меньшевик), член ЦК Бунда в 1922—1951 гг., публицист, историк и мемуарист. В 1922 г. выслан из Советской России. До начала 1930-х гг. жил в Берлине, затем в Париже; с 1940 г. — в США.